

СТИВЕН КИНГ



Страна радости

Annotation

Студент Девин Джонс, решивший подработать в парке развлечений «Страна радости», внезапно словно попадает в своеобразный параллельный мир.

Здесь живут по своим правилам, говорят на особом языке и очень не любят, когда кто-то задает «лишние» вопросы. Особенно — если они касаются убийства молодой девушки Линды Грей, тело которой было обнаружено в парке, в павильоне «Дом ужасов».

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Девин понимает: за ярким фасадом парка развлечений скрываются опасные тайны, а если разворошить прошлое обитателей «страны радости», то его собственная жизнь может непостижимым образом измениться раз и навсегда...

Стивен Кинг

Страна радости

Посвящается Дональду Уэстлейку

Серия «Темная башня»

Stephen King

JOYLAND

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King, 2013

© Перевод. В.А. Вебер, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автомобиль у меня был, но осенью 1973 года от «Приморского пансиона миссис Шоплоу» в городке Хэвенс-Бэй до парка развлечений «Страна радости» я чаще всего добирался на своих двоих. Мне представлялось, что так правильно. Собственно, иначе и нельзя. В начале сентября пляж практически пустовал, что соответствовало моему тогдашнему настроению. Та осень так и осталась самой прекрасной в моей жизни. Я могу это повторить и сорок лет спустя. И никогда больше я не чувствовал себя таким несчастным. Это я тоже могу повторить. Люди думают, что первая любовь — сплошная романтика и нет ничего романтичнее первого разрыва. Сотни песен сложили о том, как какому-то дураку разбили сердце. Вот только в первый раз сердце разбивается больше всего, и заживает медленнее, и шрам остается самый заметный. И что в этом романтичного?

* * *

В сентябре и начале октября небо над Северной Каролиной оставалось безоблачным, а воздух — теплым даже в семь утра, когда я спускался из своей комнаты на втором этаже по наружной лестнице. Если выходил в легкой куртке, то снимал ее и завязывал на поясе еще до того, как преодолевал половину из трех миль, отделявших город от парка развлечений.

Первую остановку я делал в «Пекарне Бетти», где покупал парочку еще теплых круассанов. Моя тень, длиной добрых двадцать футов, шагала со мной по песку. Полные надежд чайки, учуяв круассаны в пакете из вошеной бумаги, кружили над головой. А когда я возвращался назад, обычно часов в пять (хотя иногда задерживался подольше — никто не ждал меня в Хэвенс-Бэй, городке, который впадал в спячку после завершения летнего сезона), моя тень шагала по воде. Если мое возвращение совпадало с приливом, тень покачивалась на волнах, словно танцевала медленную хулу.

Не уверен на все сто, но, думаю, мальчика, женщину и их собаку я увидел во время моей

первой осенней прогулки по пляжу. Между веселой сверкающей мишурой «Страной радости» и городком вдоль берега выстроились летние коттеджи, среди которых было немало дорогих, и после Дня труда почти все они пустовали. Но только не самый большой из них, напоминавший зеленый деревянный замок. Дощатая дорожка вела от широкого заднего двора туда, где трава граничила с мелким белым песком. Заканчивалась дорожка у столика для пикника, стоявшего под ярко-зеленым пляжным зонтом. В его тени в инвалидном кресле сидел мальчик в бейсболке, до пояса укрытый одеялом, хотя и в предвечерние часы температура воздуха превышала семьдесят градусов^[1]. Я полагал, что мальчику лет пять или около того, но никак не больше семи. Собака, джек-рассел-терьер, обычно лежала рядом с креслом или устраивалась у ног мальчика. Женщина на скамье у столика иногда читала книгу, но чаще просто смотрела на воду. Она была очень красивая.

Направляясь к парку развлечений или возвращаясь домой, я всегда махал им рукой, и мальчик отвечал тем же. Женщина — нет, по крайней мере поначалу. В 1973 году ОПЕК установила нефтяное эмбарго, Ричард Никсон заявил, что он не мошенник, умерли Эдвард Г. Робинсон и Ноэл Коуард. Для Девина Джонса тот год оказался потерян. Я, девственник двадцати одного года от роду, с литературными устремлениями, мог похвастаться тремя джинсами, четырьмя трусами-плавками, развалюхой «фордом» (с хорошим радиоприемником), мыслями о самоубийстве (иногда) и разбитым сердцем.

Романтично, не правда ли?

* * *

Девушку, разбившую мне сердце, звали Уэнди Киган, и она не заслуживала такого, как я. Мне потребовалась большая часть жизни, чтобы прийти к этому выводу, но знаете старую поговорку: лучше поздно, чем никогда. Она приехала из Портсмута, штат Нью-Хэмпшир, я — из Саут-Бервика, штат Мэн. То есть мы практически жили по соседству. И начали «встречаться» (как тогда говорили) сразу после поступления в Университет Нью-Хэмпшира... познакомились на вечере первокурсников... романтично, не правда ли? Как в одной из этих поп-песенок.

Два года мы практически не разлучались, всюду ходили вместе, все делали вместе. То есть все, за исключением «этого». Мы оба совмещали учебу с работой в университете. Она — в библиотеке, я — в столовой. В 1972 году нам предложили поработать и летом, а мы, естественно, ухватились за этот шанс. Платили немного, но возможность не разлучаться дорогого стоила. Я полагал, что мы точно так же проведем и лето 1973 года, пока Уэнди не объявила, что ее подруга Рене нашла им обеим работу в бостонском универмаге «Файлинс».

— А как же я? — спросил я.

— Ты всегда сможешь приехать, — ответила Уэнди. — Я буду ужасно по тебе скучать, но знаешь, Дев, нам, пожалуй, надо побыть немного врозь.

И в этой фразе явственно слышался похоронный звон. Мысль эта скорее всего отразилась на моем лице, потому что Уэнди поднялась на цыпочки и поцеловала меня.

— Разлука укрепляет любовь, — заметила она. — И потом, раз у меня будет своя квартира, ты сможешь там оставаться. — Но она не смотрела на меня, когда говорила это, и я ни разу не остался у нее. Слишком много соседок, постоянно повторыла она. Слишком мало времени. Разумеется, эти проблемы можно было решить, но у нас никак не получалось, и я

мог бы кое о чем догадаться. Как теперь понимаю — о многом. Несколько раз мы вплотную подходили к «этому», но не более того. В какой-то момент она давала задний ход, а я особенно на нее не давил. Проявлял галантность, Бог свидетель. Потом частенько спрашивал себя, что бы изменилось (к лучшему или худшему), если бы я пер напралом. Теперь-то я точно знаю: галантные молодые люди зачастую остаются без сладкого. Вышейте это крестиком, вставьте в рамочку и повесьте на кухне.

* * *

Перспектива еще одно лето мыть полы в кафетерии и загружать грязные тарелки в старые посудомоечные машины не слишком радовала, учитывая, что Уэнди намеревалась любоваться яркими огнями Бостона в семидесяти милях к югу, но работа гарантировала деньги, которые мне требовались, а других вариантов у меня не было. Однако потом, в конце февраля, такой вариант в прямом смысле прикатил ко мне на ленте конвейера для грязной посуды.

Кто-то читал «Каролина ливинг» за комплексным обедом, который в тот день включал мексиканский бургер и картофель фри «Карамба». Он (или она) оставил журнал на подносе вместе с грязной посудой, а я взял его с конвейера и уже хотел отправить в мусорное ведро, но удержался. Бесплатное чтение, в конце концов, и есть бесплатное чтение. (Не забывайте, я зарабатывал на учебу.) Поэтому я сунул журнал в задний карман и вспомнил про него, лишь вернувшись в комнату в общежитии. Когда я переодевался, он упал на пол и раскрылся на странице объявлений.

Бывший владелец журнала обвел ручкой несколько объявлений в разделе «Требуется...», однако в итоге понял, что все они с изъясом — иначе журнал не попал бы в компанию к грязной посуде. Но одно объявление, в самом низу, привлекло мое внимание, хотя и не было обведено. Сначала, конечно, глаз зацепился за первую строку, набранную крупным шрифтом: «РАБОТА РЯДОМ С РАЕМ!» Какой студент-филолог не заглотил бы эту наживку? И какого угрюмого двадцатиоднолетнего парня, страдающего нарастающим страхом потерять подружку, не привлекла бы идея поработать в «Стране радости»?

В объявлении имелся телефон, и я, подчиняясь внезапному порыву, позвонил, а неделей позже достал из почтовой ячейки в общежитии конверт с бланком заявления о приеме на работу. В сопроводительном письме указывалось, что мне придется выполнять самые разнообразные поручения, по большей части под открытым небом, в том числе связанные с обслуживанием аттракционов, если я хочу устроиться на полный рабочий день (а я хотел). От меня требовалось прибыть на собеседование, имея при себе водительское удостоверение, срок действия которого еще не истек. Я мог съездить туда на весенних каникулах, вместо того чтобы на неделю вернуться домой в Мэн. Только я собирался хотя бы часть этой недели провести с Уэнди. Мы могли бы даже добраться до «этого».

— Поезжай на собеседование, — без малейшего колебания посоветовала Уэнди, когда я рассказал ей про письмо. — Это будет настоящее приключение.

— Для меня приключение — провести эти дни с тобой, — возразил я.

— У нас будет еще много времени в следующем учебном году. — Она поднялась на мысочки и поцеловала меня (ей всегда приходилось подниматься на мысочки). Встречалась ли она уже тогда с другим парнем? Вероятно, нет, но готов спорить, она положила на него

глаз, потому что они вместе занимались в группе углубленного изучения социологии. Рене Сент-Клер была в курсе и, наверное, сказала бы мне об этом, если бы я спросил. Сплетничать Рене обожала, думаю, на исповеди она просто забалтывала святого отца, но есть вещи, знать которые совершенно не хочется. К примеру, почему девушка, которую ты любил всем сердцем, продолжала говорить тебе «нет», но при первой же возможности улеглась в постель с новым парнем. Я не уверен, что кому-нибудь удастся полностью оставить в прошлом первую любовь, и моя рана по-прежнему ноет. В глубине души мне хочется знать, что со мной было не так. Чего мне не доставало. Сейчас мне за шестьдесят, мои волосы поседели, я перенес рак простаты — но все равно хочу знать, чем не подошел Уэнди Киган.

* * *

В Северную Каролину я приехал из Бостона на поезде, который назывался «Южанин» (не приключение, конечно, зато дешево), а потом на автобусе добрался из Уилмингтона до Хэвенс-Бэй. Собеседование проводил Фред Дин: он, помимо других обязанностей, занимался подбором персонала в «Страну радости». После пятнадцати минут вопросов и ответов и коротких взглядов, беглого ознакомления с моим водительским удостоверением и сертификатом спасателя от Красного Креста он протянул мне пластиковый прямоугольник на шнурке со словом «ГОСТЬ», сегодняшней датой и изображением улыбающейся синеглазой немецкой овчарки, отдаленно напоминавшей знаменитого мультяшного сыщика Скуби-Ду.

— Пройдись по территории, — предложил Дин. — Прокатись на «Каролинском колесе», если захочешь. Большинство аттракционов еще не собрано, но этот уже работает. Скажи Лейну, что я разрешил. Я дал тебе пропуск на целый день, но хочу, чтобы ты вернулся... — Он посмотрел на часы. — Скажем, в час дня. Тогда и ответишь, нужна ли тебе эта работа. У меня осталось пять вакансий, но делать надо практически одно и то же: Счастливые помощники.

— Благодарю вас, сэр.

Он с улыбкой кивнул:

— Не знаю, что ты думаешь об этом месте, но мне оно подходит, как никакое другое. Чуть старовато, чуть обшарпано, но полно очарования. Какое-то время я работал в «Диснее». Не понравилось. Слишком... ну, не знаю...

— Слишком корпоративно? — подсказал я.

— Именно. Слишком корпоративно. Слишком все отполировано и сверкающе. Поэтому несколько лет назад я вернулся в «Страну радости». И ни разу об этом не пожалел. Тут дышится свободней... Здесь еще сохранился дух ярмарочного балагана. Давай прогуляйся. Осмотрись, пойми, что ты об этом думаешь. Или — это, пожалуй, важнее, — что тут чувствуешь.

— Можно сначала задать вопрос?

— Разумеется.

Я повертел в руках пропуск.

— Кто эта собака?

Улыбка Фреда стала шире.

— Это Хоуи, Счастливый пес, талисман «Страны радости». Парк развлечений построил

Брэдли Истербрук, и настоящий Хоуи был его собакой. Он давно умер, но ты не раз его увидишь, если согласишься работать здесь летом.

Я действительно увидел Хоуи... и не увидел. Загадка эта не из сложных, однако с объяснением придется немного подождать.

* * *

Независимый парк развлечений «Страна радости» размерами уступал любому из парков сети «Шесть флагов» и не шел ни в какое сравнение с «Дисней-уорлдом»^[2], но тем не менее занимал достаточную площадь, чтобы произвести должное впечатление, особенно если выйти на авеню Радости, главную аллею аттракционов, или на Собачий проспект, вторую аллею шириной с восьмиполосное шоссе, в тот день практически пустую. Я слышал визг дисковых пил и видел много рабочих: больше всего суеилось около «Шаровой молнии», одной из двух американских горок парка. Но разумеется, ни одного посетителя здесь не было: «Страна радости» открывалась второго июня. Работали несколько продуктовых киосков, где рабочие могли купить что-нибудь на ленч, а перед павильоном, в котором, судя по многочисленным звездам на стенах и фронтоне, предсказывали судьбу, сидела старушка. Она подозрительно посмотрела на меня. Аттракционы, за одним исключением, пребывали в полуразобранном состоянии.

Исключение составляло «Каролинское колесо». Его высота была сто семьдесят футов (это я выяснил позже), и оно медленно вращалось. Перед колесом я увидел крепкого, мускулистого парня в лияных джинсах, запачканных машинным маслом потертых замшевых сапогах и майке. Котелок, надетый набекрень, чудом держался на угольно-черных волосах. Из-за уха торчала сигарета без фильтра. Он напоминал ярмарочного зазывалу из старого газетного комикса. Рядом с ним на земле стояли раскрытый ящик с инструментами и коробка от апельсинов, на которой красовался большой транзисторный радиоприемник, распевавший голосами «Фейсис» «Останься со мной». Парень отбивал ногой ритм, сунув руки в задние карманы, его бедра двигались из стороны в сторону. В голове у меня мелькнула мысль, абсурдная, но совершенно четкая: *Когда вырасту, хочу выглядеть, как он.*

Парень кивнул на пропуск.

— Тебя послал Фредди Дин, так? Сказал тебе, что все закрыто, но ты можешь прокатиться на большом колесе?

— Да, сэр.

— Поездка на колесе означает, что ты ему подходишь. Он любит, чтобы избранные увидели парк сверху. Согласен поработать здесь?

— Думаю, да.

Он протянул руку:

— Я Лейн Харди. Добро пожаловать на борт, малыш.

Я пожал его руку:

— Девин Джонс.

— Рад с тобой познакомиться.

Он двинулся по пандусу к медленно вращавшемуся колесу, схватился за длинный рычаг, чем-то напоминавший рукоятку переключения скоростей, дернул за него. Колесо неспешно остановилось, одна из ярко раскрашенных кабинок (каждую украшало изображение Хоуи —

Счастливого пса) закачалась около платформы, с которой пассажиры садились на аттракцион.

— Залезай в кабинку, Джонси. Я собираюсь отправить тебя туда, где воздух разрежен, а вид безмятежен.

Я забрался в кабинку и закрыл дверцу. Лейн подергал ее, чтобы убедиться, что защелка держится крепко, опустил поручень безопасности, вернулся к примитивному рычагу управления.

— Готовы к взлету, кэп?

— Полагаю, что да.

— Развлечение ждет! — Он подмигнул мне и двинул рычаг. Колесо начало вращаться, и вот Лейн уже смотрел на меня снизу вверх. Как и пожилая дама у гадального павильона. Она изогнула шею и прикрыла ладонью глаза. Я помахал ей рукой. Ответа не дождался.

Потом выше меня остались только изогнутые рельсы «Шаровой молнии». Я поднимался в холодный воздух ранней весны, чувствуя — как ни глупо это звучит, — что все мои заботы и тревоги остаются внизу.

«Страна радости» не была тематическим парком, а потому могла позволить себе иметь всего понемножку. И вторые американские горки, прозванные «Неистовым трясуном», и комплекс водных горок — «Бултых капитана Немо». У западной границы парка находилась специальная зона для самых маленьких, городок Качай-Болтай. В концерт-холле, как я узнал позже, выступали не слишком известные кантри-группы и рокеры, блиставшие в пятидесятых — шестидесятых годах. Я помню, как однажды у нас давали совместный концерт Джонни Отис и Биг Джо Тернер. Мне пришлось спросить, кто это, у Бренды Рафферти, главного бухгалтера, которая по совместительству приглядывала за Голливудскими девушками. Она решила, что я дремучий деревенщина, а я — что она старуха. Вероятно, мы оба были правы.

Лейн Харди поднял меня на самый верх и остановил колесо. Я сидел в покачивавшейся кабинке, схватившись за поручень безопасности, и оглядывал дивный новый мир. На западе уходила вдаль равнина Северной Каролины, невероятно зеленая для глаз уроженца Новой Англии, привыкшего, что март — холодное и слякотное преддверие настоящей весны. На востоке густо-синий, отливающий металлическим блеском океан обрывался пульсирующей белой полосой на берегу, по которому несколько месяцев спустя мне предстояло носить свое разбитое сердце сначала из города к парку развлечений, а потом обратно. Внизу радовал глаз вид «Страны радости»: большие аттракционы и маленькие, концерт-холл и павильоны, магазины сувениров и автобус Счастливого пса, который отвозил посетителей парка к ближайшим отелям и, естественно, к пляжу. На севере находился Хэвенс-Бэй. С самой высокой точки парка развлечений (где воздух разрежен, а вид безмятежен) городок напоминал любовно расставленные детские кубики, над которыми поднимались четыре церковных шпиля, по всем сторонам света.

Колесо вновь пришло в движение. Я спускался вниз, чувствуя себя ребенком из рассказа Редьярда Киплинга, который катался на хоботе слона. Лейн Харди остановил аттракцион, но открывать для меня дверцу кабинки не стал: в конце концов, я уже был почти сотрудником.

— Как тебе?

— Круто, — ответил я.

— Да, для пенсионеров самое то. — Он поправил котелок, перекосив его в другую сторону, оценивающе оглядел меня. — Какой у тебя рост? Шесть футов и три дюйма?

— Четыре.

— Ну-ну. Посмотрим, как твои шесть футов с четырьмя дюймами будут крутиться на Колесе в середине июля, в шкуре, распевая «С днем рожденья» перед каким-нибудь избалованным засранцем с сахарной ватой в одной руке и тающим мороженым в другой.

— В шкуре?

Но он уже направлялся к ящику с инструментами и не потрудился ответить. Может, не услышал меня, потому что его радиоприемник ревел «Крокодиловый рок». А может, хотел, чтобы все, что меня ожидало в стае Счастливых псов «Страны радости», стало сюрпризом.

* * *

У меня оставался час до новой встречи с Фредом Дином, поэтому я прогулочным шагом направился по Собачьему проспекту к автобуфету, который, похоже, приносил неплохую прибыль. В «Стране радости» не все, но многое так или иначе вращалось вокруг собачьей тематики. Вот и эта забегаловка носила гордое имя «Щенячий восторг». В экспедиции охотника за работой мне приходилось считать каждый цент, но я подумал, что могу потратить пару баксов на чили-дог и бумажный стаканчик с картофелем фри.

Когда я добрался до павильона, в котором желающим могли предсказать будущее, путь мне преградила Мадам Фортуна. Тут я немного грешу против истины, потому что Мадам Фортуной она становилась второго июня, а после Дня труда выходила из образа. В эти четырнадцать недель она носила длинные юбки, многослойные шифоновые блузки, шали, расшитые каббалистическими символами. Ее уши украшали золотые кольца, такие тяжелые, что оттягивали мочки, и говорила она с сильным цыганским акцентом, отчего напоминала персонажа из старых фильмов ужасов, в которых замки затянуты туманом и часто слышится вой волков.

В оставшуюся часть года Мадам Фортуна превращалась во вдову из Бруклина, которая коллекционировала статуэтки Гуммель ^[3] и любила кино (особенно слезливые фильмы о какой-нибудь цыпочке, которая болеет раком, а потом красиво умирает). В этот день, в черном брючном костюме и туфлях на низком каблуке, она выглядела весьма элегантно. Розовый шарф на шее служил контрастным цветовым пятном. В образе Фортуны ее лицо обрамляли седые космы, но это был парик, который до начала сезона хранился под стеклянным колпаком в маленьком доме в Хэвенс-Бэй. Свои волосы она стригла коротко и красила в черный цвет. Бруклинская поклонница «Истории любви» и Фортуна-Провидица сходились только в одном: обе полагали себя обладательницами шестого чувства.

— Над тобой витает тень, молодой человек, — объявила она.

Я посмотрел вниз и увидел, что дама абсолютно права. Я стоял в тени «Каролинского колеса». Она тоже.

— Не эта, глупыш. Тень нависла над твоим будущим. Тебя ждет голод.

Голод я уже испытывал, но полагал, что смогу утолить его в «Щенячем восторге», и достаточно скоро.

— Это очень интересно, миссис... э...

— Розалинда Голд. — Она протянула руку. — Но ты можешь звать меня Роззи. Все так делают. Однако во время сезона... — Она вошла в роль, то есть заговорила, как Бела Лугоши в женском обличье. — *Фо фрема сесона я... Фортуна!*

Я пожал ей руку. Будь она в рабочем наряде, на ее запястье зазвякала бы дюжина золотых браслетов.

— Рад с вами познакомиться, — сказал я — и добавил: — А я... *Дефин!*

Она не улыбнулась.

— Ирландское имя?

— Точно.

— Ирландцы полны печали, но у многих есть дар. Я не знаю, есть ли он у тебя, но ты вскоре встретишь того, кто им обладает.

Если на то пошло, меня переполняло счастье... вместе с нарастающим желанием отправить в желудок «щенка», сдобренного соусом чили. Поездка, несомненно, удалась. Правда, я сказал себе, что радости, вероятно, поубавится, когда утомительный рабочий день придется заканчивать чисткой туалетов или оттиранием блевотины от сидений «Чашек-вертушек», но пока все было тип-топ.

— Вы репетируете номер?

Она вытянулась в полный рост, во все свои пять футов два дюйма.

— Это не номер, мой милый. — На этот раз акцент был еврейским. — Евреи — лучшие экстрасенсы в мире. Это непреложный факт. — Она вновь заговорила без акцента. — И работать в «Стране радости» намного лучше, чем гадать по ладони на Второй авеню. Так или иначе, ты мне нравишься. От тебя идут приятные флюиды.

— Совсем как в одной из моих любимых песен «Бич бойз».

— Но ты на пороге большой печали. — Роззи выдержала эффектную паузу. — И, возможно, опасности.

— Вы видите в моем будущем красивую женщину с темными волосами? — Спрашивал я, конечно, об Уэнди, красавице брюнетке.

— Нет, — ответила она — и следующей фразой сразила меня наповал: — Она — твоё прошлое.

Вот так новость.

Я обошел Роззи, продвигаясь к «Щенячьему восторгу», стараясь не прикоснуться к ней. Шарлатанка, само собой, в этом я совершенно не сомневался, однако мне не хотелось даже случайно дотронуться до нее.

Однако Роззи не отставала ни на шаг.

— Твое будущее — маленькая девочка и маленький мальчик. У мальчика есть собака.

— Счастливый пес, готов спорить. И кличут его, вероятно, Хоуи.

Она словно не заметила эту шпильку.

— Девочка носит красную шапочку и не расстается с куклой. У одного из детей есть дар. У кого именно, не знаю. Это от меня сокрыто.

Эта часть ее предсказания донеслась ко мне из далекого далека. Я думал о другой фразе, произнесенной с бесстрастным бруклинским выговором: *Она — твоё прошлое.*

Мадам Фортуна частенько ошибалась, это я потом выяснил, но, похоже, действительно обладала шестым чувством, и в тот день, когда я устраивался на работу в «Страну радости», чувство это сработало на сто процентов.

Меня взяли. Мистеру Дину особенно приглянулся сертификат спасателя от Красного Креста, который я получил в Ассоциации молодых христиан в то лето, когда мне исполнилось шестнадцать. Я его еще прозвал Летом скуки. Но в последующие годы убедился, что скука — это совсем другое.

Я назвал мистеру Дину дату моего последнего экзамена и пообещал приехать двумя днями позже, готовый к инструктажу и вступлению в новую должность. Мы обменялись рукопожатием, и он поздравил меня с приходом в команду. На мгновение я подумал, что он подкрепит мой энтузиазм, предложив радостно погавкать на пару или что-то аналогичное, но он лишь пожелал мне счастливого пути и вместе со мной вышел из кабинета — невысокий мужчина с пронизательными глазами и легкой походкой. Стоя на маленьком бетонном крыльце здания администрации, прислушиваясь к рокоту прибоя и вдыхая соленый влажный воздух, я вновь почувствовал, как поднимается настроение. Мне хотелось, чтобы лето началось как можно скорее.

— Ты теперь в индустрии развлечений, юный мистер Джонс, — сообщил мне мой новый босс. — Не в ярмарочном бизнесе, не совсем, ведь мы ведем дела иначе, но разница не так уж велика. Ты представляешь, что это означает — работать в индустрии развлечений?

— Нет, сэр, совершенно не представляю.

Его глаза оставались серьезными, но на губах появилась тень улыбки.

— Это означает, что лохи должны уходить, широко улыбаясь. Между прочим, если я когда-нибудь услышу, что ты называешь посетителей парка лохами, ты вылетишь на улицу так быстро, что не успеешь оглянуться. Я могу так говорить, потому что работаю в индустрии развлечений с тех пор, как начал бриться. Они лохи... деревенщины, вроде жителей оклахомской или арканзасской глубинки, которые с широко раскрытыми глазами бродили по тем ярмаркам, где я работал после Второй мировой. Нынешние посетители «Страны радости», может, и одеваются лучше, и ездят на «фордах» и «фольксвагенах», а не на пикапах «Фармолл» — но здесь они все равно превращаются в лохов с широко разинутыми ртами. А если не превращаются, значит, мы плохо выполняем свою работу. Только для тебя они глупые кролики. Когда они слышат слово «кролик», то думают о Кони-Айленде^[4]. Но мы-то знаем. Они кролики, мистер Джонс, милые, упитанные, обожающие поразвлечься кролики, скачущие от аттракциона к аттракциону и от павильона к павильону, как от норы к норе.

Мистер Дин подмигнул мне и крепко сжал мое плечо.

— Кролики должны уходить счастливыми, или это место засохнет на корню. Я видел, как такое случается, и если процесс пошел, все заканчивается очень быстро. Это парк развлечений, юный мистер Джонс, и потому кроликов надо гладить по шерстке, а если дергать за уши, то очень-очень нежно. Другими словами, *развлекать* их.

— Хорошо, — ответил я... не очень-то понимая, как я смогу развлекать посетителей, полируя электромобили «Дьявольских фургонов» (так в «Стране радости» называли «Автодром») или подметая Собачий проспект после закрытия парка.

— И даже не думай о том, чтобы подвести меня. Приезжай в оговоренный день и покажись за пять минут до оговоренного срока.

— Хорошо.

— Есть два важных правила шоу-бизнеса, малыш: всегда знать, где твой бумажник, и... *проявлять себя*.

Миновав большую арку с надписью неоновыми буквами «СТРАНА РАДОСТИ» (пока выключенными), я вышел на практически пустую автостоянку и увидел Лейна Харди, привалившегося к одной из закрытых кассовых будок. Он курил сигарету, раньше торчавшую из-за уха.

— Больше не могу курить на территории, — пояснил он. — Новое правило. Мистер Истербрук говорит, что мы — первый парк в Америке, где запрещено курить. Первый — но не последний. Тебя взяли?

— Да.

— Поздравляю. Фредди прочел тебе лекцию о кроликах?

— В каком-то смысле.

— Предупредил, что их надо гладить по шерстке?

— Да.

— Иной раз он как заноза в заднице, но давно уже в этом бизнесе, видел все, причем не единожды, и он прав. Я думаю, у тебя получится. В тебе есть дух карни^[5], малыш. — Он махнул рукой в сторону парка, аттракционы которого тянулись к безупречно синему небу: «Шаровая молния», «Неистовый трясун», «Бултых капитана Немо» с его плавными изгибами и поворотами и, естественно, «Каролинское колесо». — Как знать, может, именно здесь твое будущее.

— Возможно, — ответил я, хотя уже представлял, какое меня ждет будущее: романы и короткие рассказы из тех, что печатают в «Нью-Йоркере». И, понятное дело, женитьба на Уэнди Киган. Я уже все распланировал. Мы подождем, пока нам перевалит за тридцать, а потом родим пару детей. Когда тебе двадцать один, жизнь — дорожная карта. Где-то в двадцать пять у тебя зарождаются подозрения, что ты держишь ее вверх ногами, но полностью ты убеждаешься в этом только в сорок. А уж к шестидесяти, можете мне поверить, ты окончательно теряешь представление о том, где что находится.

— Роззи Голд вывалила на тебя ведро дерьма сивой Фортуны?

— Гм-м...

Лейн рассмеялся.

— И зачем я спрашиваю? Просто запомни, малыш: девяносто процентов того, что она говорит, — действительно конское дерьмо. Остальные десять... скажем так, иной раз ее слова сшибают с ног.

— А как насчет вас? — спросил я. — Ее откровения сшибли вас с ног?

Он улыбнулся:

— В тот день, когда Роззи прочтет написанное на моей ладони, я вновь отправлюсь вдогонку за торнадо, присоединившись к какому-нибудь бродячему парку аттракционов. Сын миссис Харди обходит стороной гадальные доски и хрустальные шары.

Вы видите в моем будущем красивую женщину с темными волосами? — спросил я.

Нет. Она — твое прошлое.

Теперь Лейн Харди пристально посмотрел на меня:

— Что случилось? Муху проглотил?

— Ничего, — ответил я.

— Да ладно, сынок. Она накормила тебя правдой или конским дерьмом? Попала в

десятку или прокололась? Скажи своему папочке.

— Конечно, конским дерьмом. — Я взглянул на часы. — Надо успеть на пятичасовой автобус, чтобы в семь сесть на поезд до Бостона. Пожалуй, мне пора.

— Времени у тебя вагон. Где будешь жить летом?

— Еще не думал.

— Тогда по пути к автобусной станции тебе стоит заглянуть к миссис Шоплоу. Многие в Хэвенс-Бэй сдают комнаты летним работникам нашего парка, но лучше ее никого нет. Счастливые помощники селятся у нее уже многие годы. Найти ее очень легко: там, где Главная улица упирается в пляж. Большой деревянный дом, выкрашенный в серый цвет. Ты увидишь вывеску над крыльцом. Ни с чем ее не спутаешь, потому что она выложена из ракушек, и некоторые отвалились. «ПРИМОРСКИЙ ПАНСИОН МИССИС ШОПЛОУ». Скажи, что тебя прислал я.

— Конечно, скажу. Спасибо.

— Если снимешь там комнату, то сможешь добираться до парка по берегу, чтобы сэкономить деньги на бензин и потратить их на что-то более важное, скажем, поразвлечься в выходной день. Это здорово — начинать день с прогулки по берегу. Удачи, малыш. С нетерпением жду, когда мы начнем работать вместе. — Он протянул руку, я пожал ее и снова поблагодарил его.

Идея насчет прогулки мне понравилась, и я решил вернуться в город по берегу. При таком раскладе не придется ждать двадцать минут такси, которое я, по правде говоря, не мог себе позволить. И я уже добрался до деревянной лестницы, ведущей вниз, к пляжу, когда Лейн Харди позвал меня:

— Эй, Джонси! Хочешь знать то, о чем тебе никогда не скажет Роззи?

— Конечно, — ответил я.

— У нас есть замок с привидениями, который называется «Дом ужасов». Старушка Розита не подходит к нему ближе чем на пятьдесят ярдов. Она ненавидит внезапно выпрыгивающих страшил, и камеру пыток, и записанные голоса, но настоящая причина в другом: она боится, что там действительно живет призрак.

— Правда?

— Правда. И не она одна. Полдесятка работников утверждают, что видели ее.

— Вы серьезно? — Но это был всего лишь вопрос, который задаешь, когда тебя что-то поражает. Я же видел, что он меня не разыгрывает.

— Я бы рассказал тебе эту историю, но перекур окончен. Мне надо заменить несколько штанг на «Дьявольских фургонах», и около трех приедут инспекторы, чтобы проверить готовность «Шаровой молнии». Эти парни — что заноза в заднице. Спроси Шоплоу. Про «Страну радости» Эммелина Шоплоу знает больше меня. Она, можно сказать, знаток этого места. В сравнении с ней я дилетант.

— Это не шутка? Не лапша, которую вешают на уши всем новичкам?

— Я сейчас похож на шутника?

Шутником я бы его не назвал, но чувствовалось, что говорить об этом ему нравится. Он мне даже подмигнул.

— Разве настоящий парк развлечений может обойтись без призрака? Скорей всего и ты ее увидишь. Кто ее никогда не видит, так это лохи. А теперь поторопись, малыш. Застолби себе место где жить, прежде чем сесть на автобус, который увезет тебя в Уилмингтон. Потом будешь меня благодарить.

Когда женщину зовут Эммелина Шоплоу, ты представляешь себе розовощекую пышногрудую хозяйку пансиона из романа Чарльза Диккенса, которая вечно суетится и постоянно твердит: «Спаси, Господи», — или что-то подобное. Она подает чай и ячменные лепешки, а добродушные эксцентрики на вторых ролях одобрительно смотрят на нее. Мы будем сидеть с ней рядышком у потрескивающего огня и жарить каштаны, и, быть может, она ущипнет меня за щеку.

Но в этом мире фантазии редко воплощаются в жизнь, и дверь мне открыла высокая женщина, разменявшая шестой десяток, с плоской грудью, бледная, как заиндевевшее оконное стекло. В одной руке она держала старомодную круглую пепельницу-мешочек, в другой дымилась сигарета. Жидкие каштановые волосы крупными завитками падали на уши. Благодаря им она выглядела как стареющая принцесса из какой-нибудь сказки братьев Гримм. Я объяснил причину своего прихода.

— Собираетесь работать в «Стране радости»? Что ж, заходите. Рекомендательные письма есть?

— Насчет аренды квартиры — нет, я живу в общежитии. Но у меня есть письмо от моего босса с работы в столовой. Это студенческая столовая в Университете Нью-Хэмпшира, где я...

— Я поняла, о чем вы. Уже немолода, но еще не выжила из ума. — Она провела меня в заставленную разномастной мебелью гостиную, которая тянулась во всю длину дома. Мое внимание сразу же привлек большой настольный телевизор. Миссис Шоплоу кивнула на него. — Цветной. Мои квартиранты могут пользоваться им — и гостиной — до десяти вечера в будние дни и до полуночи в выходные. Иногда я присоединяюсь к молодежи, чтобы посмотреть фильм или бейсбол субботним вечером. Мы едим пиццу, или я делаю поп-корн. Это здорово.

Здорово, подумал я. И прозвучало это действительно здорово.

— Скажите мне, мистер Джонс, вы склонны к употреблению алкоголя и буйству? Я полагаю такое поведение асоциальным, хотя многие так не думают.

— Нет, мэм. — Пил я мало, буйствовал редко. Обычно банка-другая пива смаривали меня.

— Спрашивать, употребляете ли вы наркотики, бесполезно, потому что ответ в любом случае будет отрицательным, верно? Но, разумеется, всплывает это весьма быстро, а как только всплывает, я сразу прошу квартиранта подыскать новое жилье. Не допускается даже травка. Это понятно?

— Да.

Она всмотрелась в меня.

— *Непохоже*, чтобы вы курили травку.

— Я и не курю.

— У меня могут жить четыре квартиранта, но одно место сейчас занято. Мисс Экерли. Она библиотекарь. У всех квартирантов комнаты на одного, но они лучше, чем предлагают в мотеле. Вам, думаю, больше всего подойдет комната на втором этаже, с отдельной ванной, чего нет в комнатах на третьем этаже. Туда ведет наружная лестница, это удобно, если есть дама сердца. Ничего не имею против дамы сердца, потому что я сама дама, причем весьма

сердечная. У вас есть дама сердца, мистер Джонс?

— Да, но этим летом она работает в Бостоне.

— Что ж, может, вы встретите кого-нибудь здесь. Сами знаете, как поется в песне: любовь — она повсюду.

Я только улыбнулся. Весной 1973 года мысль, что я могу полюбить кого-то, кроме Уэнди Киган, казалась совершенно невысказанной.

— Надо полагать, у вас есть автомобиль. Во дворе у меня только два парковочных места для четырех квартирантов, поэтому каждое лето они достаются тому, кто успеет первым. Вы пришли первым, и, думаю, вы мне подойдете. Если разочаруюсь, выставлю вас за дверь. Справедливо?

— Да, мэм.

— Хорошо, потому что это не обсуждается. Требования у меня самые обычные: аванс за первый и последний месяцы плюс залог на случай нанесения ущерба. — Она назвала вполне приемлемую сумму. Тем не менее после ее выплаты на моем счету в «Первом трастовом банке» Нью-Хэмпшира остались бы рожки да ножки.

— Вы возьмете чек?

— А его примут?

— Искренне надеюсь, что да, мэм.

Она откинула голову и расхохоталась.

— Тогда я его возьму, при условии, что вы захотите снять комнату после того, как увидите ее. — Она затушила сигарету и поднялась. — Между прочим, наверху курить запрещено... это условие страховки. И внизу тоже запрещено, как только появляются квартиранты. Уже из уважения к тем, кто не курит. Вы знаете, что старик Истербрук запретил курение в парке развлечений?

— Я об этом слышал. Наверное, потеряет клиентов.

— Возможно, поначалу. Но потом их наверняка прибавится. Я бы поставила деньги на Брэда. Он очень практичный, карни-от-карни. — Я хотел спросить, что именно это означает, но она уже сменила тему: — Давайте взглянем на вашу комнату?

Одного взгляда на комнату на втором этаже хватило, чтобы убедить меня, что это отменный вариант: большая кровать — что хорошо, из окна вид на океан — что еще лучше. Ванная, правда, оказалась не очень, такая крохотная, что мои ноги попадали в душевую, когда я сидел на унитазах, но студентам колледжа с жалкими крохами в финансовых закромах не приходилось привередничать. Да и вид из окна перебивал любые минусы предлагаемого мне жилья. Я сомневался, что богачи из летних коттеджей, которые выстроились вдоль Бич-роу, могли похвастаться лучшим. Я представил себе, как привожу сюда Уэнди, мы вдвоем любуемся океаном, а потом... на большой кровати, под мерный, усыпляющий рокот прибора...

«Это». Наконец-то «это».

— Я хочу ее! — вырвалось у меня, и я почувствовал, что краснею. Говорил-то я не только про комнату.

— Знаю, что хотите. Все написано у вас на лице. — Как будто она действительно знала, о чем я думал, а может, и знала. Миссис Шоплоу широко улыбнулась и теперь куда больше напоминала персонажа романа Диккенса, несмотря на плоскую грудь и бледную кожу. — Свое собственное маленькое гнездышко. Не Версальский дворец, но свое. Совсем не то, что в общепитии. Даже если там комната на одного.

— Не то, — признал я. Подумал, что надо уговорить отца положить на мой банковский счет пятьсот долларов, чтобы я смог дотянуть до первого чека из «Страны радости». Я полагал, что он поворчит, но согласится. Надеялся, что мне не придется разыгрывать карту умершей мамы. С ее смерти прошло уже четыре года, но в отцовском бумажнике по-прежнему лежали ее фотографии, и он по-прежнему носил обручальное кольцо.

— Своя работа и свое жилье, — мечтательно произнесла миссис Шоплоу. — Неплохое сочетание, Девин. Не возражаете, если я буду звать вас Девин?

— Лучше Дев.

— Хорошо, как скажете. — Миссис Шоплоу оглядела маленькую комнату с наклонным потолком — она находилась под скатом крыши — и вздохнула. — Восторг поутихнет, но раз он есть, это приятно. Ощущение полной независимости. Я думаю, вам здесь будет неплохо. В вас чувствуется дух карни.

— Вы — второй человек, который говорит мне про дух карни. — Тут я вспомнил разговор с Лейном Харди на автомобильной стоянке. — Даже третий.

— И я готова поспорить, что знаю первых двух. Что еще вам показать? Ванная не очень, но все же лучше, чем в общежитии, где парни у раковин пердят и вдруг о девушках, с которыми якобы кувыркались прошлой ночью.

Я рассмеялся, и миссис Эммелина Шоплоу присоединилась ко мне.

* * *

Мы спустились по наружной лестнице.

— Как Лейн Харди? — спросила она, когда мы добрались до нижней ступени. — По-прежнему ходит в этой глупой ермолке?

— Мне показалось, что это котелок.

Она пожала плечами:

— Ермолка, котелок, какая разница?

— Он жив-здоров, но рассказал мне кое-что о...

Миссис Шоплоу, склонив голову, смотрела на меня, и в уголках ее губ таилась улыбка.

— Он рассказал мне, что в «Доме ужасов» их парка развлечений обитает призрак. Я спросил, не вешает ли он мне лапшу на уши, но он ответил, что нет. Сказал, что вы все об этом знаете.

— Так и сказал?

— Да. По его словам, насчет «Страны радости» вам известно больше, чем ему.

— Что ж, — она сунула руку в карман слаксов и достала пачку «Винстона», — я действительно знаю предостаточно. Мой муж возглавлял инженерную службу парка, пока у него не случился инфаркт, который свел его в могилу. Страховка оказалась мизерная, да и та ушла на долги, поэтому я начала сдавать верхние этажи дома. А что еще мне оставалось? У нас лишь один ребенок, дочка, теперь она в Нью-Йорке, работает в рекламном агентстве. — Миссис Шоплоу закурила, затянулась, со смешком выдохнула дым. — Изю всех сил старается избавиться от южного выговора, но это другая история. Этот здоровенный домина был любимой игрушкой Хоуи, и я никогда не спорила с ним. По крайней мере теперь это окупается. И мне нравится поддерживать связь с парком, потому что таким образом я как бы поддерживаю связь с ним. Понимаешь?

— Конечно.

Она всмотрелась в меня сквозь сигаретный дым, улыбнулась и покачала головой:

— Нет... Ты вежлив, но слишком молод, чтобы понимать.

— Я потерял маму четыре года назад. Мой отец до сих пор скорбит. Он говорит, что не зря «жена» и «жизнь» начинаются с одной буквы. У меня хотя бы есть учеба и подружка. А папа к северу от Киттери, слоняется по дому, который для него слишком велик. Он осознает, что должен продать его и купить себе поменьше, ближе к месту работы — мы оба это осознаем, — но он остается в старом доме. Поэтому я понимаю, о чем вы.

— Я сожалею о твоей утрате, — ответила миссис Шоплоу. — Когда-нибудь я раскрою рот слишком широко и провалюсь в него. Автобус у тебя в десять минут шестого?

— Да.

— Тогда пошли на кухню. Приготовлю тебе тост с сыром и разогрею в микроволновке тарелку томатного супа. Время есть. И между делом расскажу тебе грустную историю о призраке «Страны радости», если, конечно, ты захочешь ее услышать.

— Это действительно история с призраком?

— Я никогда не была в этом чертовом «Доме ужасов», поэтому точно не знаю. Но это история с убийством. В этом я абсолютно уверена.

* * *

Суп был кэмпбелловский, из банки, но тост она сделала с мюнстером, моим любимым сыром, божественно вкусным. Налила мне стакан молока и настояла, чтобы я его выпил. Потому что, заметила миссис Шоплоу, я еще расту. Потом она села напротив меня, тоже с тарелкой супа, но без тоста («Мне надо следить за моей девичьей фигурой»), и рассказала всю историю. Что-то она узнала из газет и телевизионных репортажей, а самые пикантные подробности — от знакомых в «Стране радости», которых хватало.

— Произошло это четыре года назад, то есть примерно в то время, когда умерла твоя мать. Знаешь, что прежде всего приходит в голову, когда я думаю о случившемся? Рубашка того парня. И перчатки. От этих мыслей у меня мурашки бегут по коже. Потому что вывод тут один: он все *спланировал*.

— Буду вам очень признателен, если вы начнете хотя бы с середины.

Миссис Шоплоу рассмеялась:

— Да, пожалуй. Девушку, призрак которой вроде бы там является, звали Линда Грей, она жила во Флоренсе. Это в Южной Каролине. Она со своим бойфрендом — если это был бойфренд, потому что копы прошерстили прошлое Линды и не нашли никаких его следов — провела последнюю ночь на земле в мотеле «Луна», что на берегу, в полумиле к югу от города. На следующий день, около одиннадцати утра, они отправились в «Страну радости». Он купил два билета на весь день, заплатил наличными. Они покатались на каких-то аттракционах, потом поели в «Лангусте», ресторане морепродуктов рядом с концерт-холлом. В начале второго пополудни. Насчет времени смерти. Ты, вероятно, знаешь, как его устанавливают... содержимое желудка и все такое...

— Ага. — Тост я уже съел и принялся за суп. История не испортила мне аппетит, ничуть. Не забывайте, я прожил лишь двадцать один год, и, хотя, наверное, я никому бы этого не сказал, у меня не возникало сомнений, что я никогда не умру. Даже смерть мамы не

поколебала этой моей убежденности.

— Он ее покормил, потом они прокатились на «Каролинском колесе» — медленный аттракцион, способствующий пищеварению, — после чего отправились в «Дом ужасов». Вошли вместе, а вышел он один. Где-то на середине поездки, которая занимает примерно девять минут, он перерезал ей горло и кинул ее рядом с монорельсом, по которому передвигаются вагончики. Выбросил, как мусор. Должно быть, он знал, что перепачкается в крови, потому что надел две рубашки и желтые резиновые перчатки. Верхнюю рубашку, пропитанную кровью, нашли в сотне ярдов от тела. Чуть дальше лежали перчатки.

Я все это увидел: сначала вниз летит тело, еще теплое и трепещущее, потом рубашка и, наконец, перчатки. Убийца спокойно сидит в вагончике до самого конца поездки. Миссис Шоплоу говорила чистую правду: по коже побежали мурашки.

— Когда поездка закончилась, этот щучий сын просто встал и ушел. Он вытер сиденье и спинку — рубашка намочила от крови, — но следы остались. Один из помощников заметил кровь на сиденье, прежде чем в вагончик сели новые пассажиры, и вытер ее. Он не придал этому никакого значения. Кровь на аттракционах — обычное дело, у детей от перевозбуждения она часто идет носом. Ты сам это увидишь. Главное, надевай резиновые перчатки, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу. Они есть в пунктах оказания первой помощи, которые разбросаны по всему парку.

— Никто не заметил, что он покинул аттракцион без девушки?

— Никто. Дело было в середине июля, в пик сезона, когда в парке полным-полно посетителей. И тело нашли только в час ночи. Парк давно уже закрылся, и в «Доме ужасов» включили свет. Для ночной смены, ты понимаешь. У тебя будет шанс убедиться в этом лично. Все команды Счастливых помощников одну неделю в месяц прибираются на аттракционах, и тебе надо будет заранее выспаться, потому что переход со дня на ночь — сущий кошмар.

— Люди проезжали мимо нее, пока парк не закрылся, и ничего не замечали?

— Если и замечали, то думали, что ее труп — часть декорации. Но скорее всего тело никто и не увидел. Не забывай, «Дом ужасов» — темный аттракцион. Единственный в «Стране радости», если на то пошло. В других парках развлечений таких больше.

Темный аттракцион. Желудок завибрировал, но не настолько, чтобы это помешало мне доесть суп.

— А его приметы? Неужели официант в ресторане не смог дать его описание?

— Полицейским повезло. У них были фотографии. Можешь поверить, копы показывали их по телику и печатали в газетах.

— Откуда они взялись?

— Постарались Голливудские девушки. В сезон в парке их пять или шесть, с утра и до вечера. Конечно же, ничего похожего на стриптиз в «Стране радости» нет, но старик Истербрук не зря проработал столько лет на ярмарках. Он знает, что людям хочется чего-то «погорячее», когда они идут от одного аттракциона к другому или едят корн-дог. Поэтому в каждой команде Помощников есть одна Голливудская девушка. В твоей тоже будет, и ты и остальные парни будете приглядывать за ней, как положено старшим братьям, на случай если кто-то начнет приставать. Эти девушки бегают по парку в коротеньких зеленых платьях, зеленых туфлях на высоком каблуке и миленьких зеленых шляпках, напоминая мне Робин Гуда и его веселых парней. Только они веселые цыпочки. У каждой фотоаппарат «Спид график», какие можно увидеть в старых фильмах, и они фотографируют лохов. — Она помолчала. — Только я не советую тебе так называть посетителей парка.

— Меня уже предупредил мистер Дин, — ответил я.

— Логично. В любом случае Голливудским девушкам рекомендовано уделять особое внимание семьям и парам, которые выглядят старше двадцати одного. Юноши и девушки помоложе не интересуются фотографиями на память, они предпочтут потратить деньги на еду и игровые автоматы. По заведенному порядку Голливудские девушки сначала фотографируют, а потом подходят. — И она продолжила с придыханием, имитируя Мэрилин Монро: — «Добрый день, рада видеть вас в «Стране радости», я Карен! Если вы захотите получить фотографию, которую я только что сделала, назовите мне вашу фамилию и загляните в павильон «Голливудские фото» на Собачьем проспекте, когда будете уходить из парка». Что-то в этом роде.

Одна из девушек сфотографировала Линду Грей и ее бойфренда у «Тира Энни Оукли», но когда подошла к ним, бойфренд устроил ей выволочку. Да еще какую! Потом она рассказала копам, что он выглядел так, будто хотел вырвать у нее фотоаппарат и разбить его. И разбил бы, если бы думал, что ему это сойдет с рук. Она сказала, что у него были жуткие глаза, холодные и серые. — Миссис Шоплоу улыбнулась и пожалала плечами. — Только выяснилось, что на фотографии он в солнцезащитных очках. Ты же знаешь, как некоторые девушки любят драматизировать.

Если на то пошло, это я действительно знал. Подруга Уэнди, Рене, превращала рассказ об обычном визите к стоматологу в сценарий фильма ужасов.

— Эта фотография была лучшей, но не единственной. Копы просмотрели все пленки, которые отщелкали в тот день Голливудские девушки, и нашли эту Грей и ее приятеля на заднем плане еще четырех снимков. На самом удачном они стояли в очереди к «Чашкам-вертушкам», и его рука лежала на ее заднице. Весьма фривольно, учитывая, что ни родственники, ни друзья Линды его никогда не видели.

— Плохо, что здесь нет камер видеонаблюдения, — вставил я. — Моя девушка получила работу в бостонском универмаге «Файлинс», и она говорит, что там таких уже несколько, а сейчас устанавливают новые. Чтобы ловить воришек.

— Придет день, когда они будут повсюду, — предрекла миссис Шоплоу. — Как в том романе о Полиции мыслей. Я бы без этого обошлась. Но их не будут ставить на таких аттракционах, как «Дом ужасов». Даже инфракрасные камеры, которые могут снимать в темноте.

— Почему?

— Все просто. Тоннеля любви в «Стране радости» нет, но «Дом ужасов» — это определенно Тоннель тисканий. Муж как-то сказал мне, что если ночная смена находит рядом с монорельсом только три пары трусиков, значит, день пропал зря. Такие дела. Но они располагали отличной фотографией этого парня в тире. Можно сказать, портретом. Его неделю показывали по телику и публиковали в газетах. Они стоят бедром к бедру, он показывает, как держать винтовку, — парни всегда это делают. В обеих Каролинах эту фотографию видели все. Девушка улыбалась, но он выглядел предельно серьезным.

— И все это время у него в карманах лежали перчатки и нож. — Я с удивлением покачал головой.

— Бритва.

— Что?

— Он использовал опасную бритву или что-то в этом роде, так, во всяком случае, написал в своем заключении судмедэксперт. Короче, полиция располагала фотографиями,

включая портрет, но знаешь что? Ни на одной нельзя было разглядеть лицо.

— Из-за солнцезащитных очков.

— Не только. Еще из-за бородки и бейсболки с длинным козырьком, который затенял все, что не скрывали солнцезащитные очки и бородка. Убийцей мог быть кто угодно. Даже ты, только ты черноволосый, а не блондин, и на руке у тебя нет татуировки с головой птицы. Орла, может, ястреба. Она ясно видна на фотоснимке, который сделали в тире. Татуировку увеличили и пять дней публиковали в газете, надеясь, что кто-то ее узнает. Никто не узнал.

— И никаких зацепок в гостинице, где они останавливались на ночь?

— Нет. Он зарегистрировался по южнокаролинскому водительскому удостоверению, но его украли годом раньше. Ее никто и не видел. Наверное, она ждала в автомобиле. Почти неделю она пролежала неопознанной, но полиция распространила ее портрет. Она словно спала, никакого тебе перерезанного горла. Кто-то, кажется, подруга, с которой она ходила на курсы медсестер, увидела рисунок и сообщила родителям девушки. Не могу себе представить, что они чувствовали, когда ехали сюда на автомобиле, лелея надежду, что увидят в морге не свою дочь, а кого-то еще, пусть не менее любимого, но чужого ребенка. — Она медленно покачала головой. — Дети — всегда такой риск, Дев. Эта мысль когда-нибудь приходила тебе в голову?

— Пожалуй.

— То есть не приходила. Я... Думаю, сошла бы с ума, если бы под простыней лежала моя дочь.

— Но вы же не думаете, что призрак Линды Грей действительно обитает в «Доме ужасов», правда?

— Не могу ответить на этот вопрос, потому что у меня нет сложившегося мнения о жизни после смерти. Полагаю, я все выясню, когда доберусь туда, и меня это вполне устраивает. Но мне известно, что многие из тех, кто работал в «Стране радости», заявляли, будто видели ее у монорельса, в той самой одежде, в которой ее нашли: синяя юбка и синяя блузка без рукавов. Никто из них не мог видеть цвета одежды на фотоснимках, опубликованных в газетах, потому что фотоаппараты «Спид график», с которыми работают Голливудские девушки, заряжаются черно-белой пленкой. Думаю, она дешевле, и ее проще проявлять.

— Может, о цвете одежды писали в газетных статьях.

Она пожала плечами:

— Возможно. Я не помню. Однако несколько человек также упомянули синюю ленту Алисы^[6], а вот об этом как раз не писали. Хранили эту информацию в тайне почти год, надеясь использовать ее, чтобы изобличить возможного подозреваемого, если таковой появится.

— Лейн говорил, что лохи никогда ее не видят.

— Не видят, потому что она всегда появляется после закрытия парка. Обычно ее видят только Счастливые помощники из ночной смены, но я знаю по меньшей мере одного инспектора по технике безопасности, жителя Роли, который заявляет, что видел ее. Мы с ним как-то выпивали в «Морском еже». Он сказал, что она стояла там, когда он проезжал по тоннелю. Думал, что это лишь новый манекен, пока она не протянула к нему руки. Вот так.

Миссис Шоплоу протянула руки, ладонями вверх, умоляющим жестом.

— По его словам, он почувствовал, как температура упала на двадцать градусов. Карман холода, так он выразился. Когда обернулся, она исчезла.

Я вспомнил о Лейне в его узких джинсах, потертых сапогах и сдвинутом набекрень котелке. *Она накормила тебя правдой или конским дерьмом?* — спросил он. *Попала в десятку или прокололась?* Я думал, что призрак Линды Грей — конское дерьмо, но надеялся, что это не так. Надеялся увидеть ее. Отличная вышла бы история, чтобы рассказать Уэнди. В те дни все мои мысли сходились к ней. Если я куплю эту рубашку, понравится ли она Уэнди? Если я напишу рассказ о девушке, которая впервые поцеловалась во время верховой прогулки, что скажет Уэнди? Если я увижу призрак убитой девушки, удивится ли Уэнди? До такой степени, что согласится приехать и взглянуть собственными глазами?

— Через шесть месяцев после убийства в чарлстонской газете «Ньюс энд курьер» появилась большая статья, — продолжила миссис Шоплоу. — Оказалось, что с шестьдесят первого года в Джорджии и обеих Каролинах произошло четыре аналогичных убийства. Все жертвы — молодые женщины. Одну закололи, трем перерезали горло. И репортер нашел копа, который высказался в том смысле, что их всех мог убить тот, кто убил Линду Грей.

— Берегитесь убийцы из «Дома ужасов»! — с выражением произнес я.

— Именно так и назвала его газета. Вижу, ты проголодался. Съел все, за исключением тарелки. А теперь, думаю, тебе лучше выписать мне чек и мчаться на автобусную станцию, или придется провести ночь на моем диване.

Диван выглядел удобным, но мне хотелось побыстрее вернуться на север. Оставалось два дня весенних каникул, а потом опять занятия — и моя рука на талии Уэнди Киган.

Я достал чековую книжку, выписал чек и таким образом арендовал комнату с роскошным видом на океан, полюбоваться которым Уэнди Киган — моей даме сердца — так и не удалось. В этой комнате я иногда сидел вечерами и, убавив звук до минимума, слушал записи Джими Хендрикса и «Дорз». Именно в такие вечера меня посещали мысли о самоубийстве. Мимолетные мысли, ничего серьезного, просто фантазии молодого человека с богатым воображением и раной в сердце... или так я говорю сейчас, по прошествии стольких лет? Кто знает?

Когда дело касается прошлого, *каждый* из нас писатель.

* * *

Я попытался дозвониться до Уэнди с автобусной станции, но ее мачеха ответила, что она ушла куда-то с Рене. Когда автобус прибыл в Уилмингтон, я позвонил снова, но с тем же результатом: она еще не вернулась, где-то гуляла с Рене. Я спросил Надин — так звали мачеху, — куда, по ее мнению, они могли податься. Надин ответила, что не имеет ни малейшего понятия. По ее голосу чувствовалось, что разговор со мной — самый скучный за весь день. Может, за весь год. Может, за всю ее жизнь. Я неплохо ладил с отцом Уэнди, но Надин Киган никогда меня не жаловала.

Наконец, уже добравшись до Бостона, я дозвонился до Уэнди. Она говорила со мной сонным голосом, хотя часы показывали только одиннадцать вечера — детское время для большинства студентов в весенние каникулы. Я сообщил ей, что меня приняли на работу.

— Я тебя поздравляю, — ответила она. — Поедешь домой?

— Да, как только заберу автомобиль. — И если ни одно колесо не спустило. В те дни я практически всегда ездил на лысой резине. Запаска? Отличная шутка, secor. — Я могу остаться на ночь в Портсмуте, вместо того чтобы ехать домой, и увидеться с тобой завтра,

если...

— Не лучшая идея. У меня Рене, а кого-то еще из моей компании Надин не потерпит. Ты знаешь, как она относится к тем, кто ко мне приезжает.

К кому-то Надин действительно относилась не очень, но Рене с ней отлично ладила, они постоянно пили кофе и сплетничали о любимых кинозвездах, словно близкие подружки. Разумеется, я понимал, что сейчас не время упоминать об этом.

— Обычно я люблю поболтать с тобой, Дев, но сейчас очень хочется спать. У нас с Рен выдался длинный день. Магазины и... все такое.

Она не стала уточнять, что именно, а я обнаружил, что не хочу спрашивать. Еще один тревожный знак.

— Люблю тебя, Уэнди.

— И я тебя люблю. — Это прозвучало небрежно, без всякой страсти. *Она просто устала*, сказал я себе.

Из Бостона я покатил на север, и меня не отпускало легкое беспокойство. Что-то было в ее тоне. Безразличие? Я не знал. Возможно, и не хотел знать. Но какие-то вопросы у меня появились. Даже теперь, после стольких лет, иногда я задаю их себе. Нынче Уэнди для меня — лишь шрам на душе, воспоминание, человек, обидевший меня, как время от времени девушки обижают парней. Молодая женщина из другой жизни. И все-таки я не могу не спрашивать себя, а где она была? Что подразумевала под «все такое»? И провела ли она тот день с Рене Сент-Клер?

Можно спорить о том, от какой строчки в поп-музыке сильнее всего бросает в дрожь, но для меня это ранние «Битлз», точнее, Джон Леннон, поющий «я предпочту увидеть тебя мертвой, детка, чем с другим мужчиной». Я мог бы сказать, что никогда не испытывал подобного по отношению к Уэнди после нашего разрыва, но это была бы ложь. Постоянно я об этом не думал, но случалось ли мне после нашего разрыва желать ей зла? Да. Иной раз долгими бессонными ночами я думал, что она заслуживала, чтобы с ней случилось что-то плохое, действительно плохое, за то, как она обошлась со мной. Такие мысли пугали меня, но иногда я так думал. И еще думал о мужчине в двух рубашках, который вошел в «Дом ужасов», обнимая Линду Грей. О мужчине с птицей на руке и с опасной бритвой в кармане.

* * *

Весной 1973 года — последнего года моего детства, как я понимаю теперь, оглядываясь на прожитую жизнь, — я видел будущее, в котором Уэнди Киган становилась Уэнди Джонс... может, Уэнди Киган-Джонс, если она захочет идти в ногу со временем и сохранить девичью фамилию. В этом будущем присутствовал дом у озера (в Мэне, или в Нью-Хэмпшире, может, в западном Массачусетсе), звенящий от криков и топота пары маленьких Киган-Джонсов; дом, в котором я писал книги, не обязательно бестселлеры, но достаточно популярные, чтобы мы могли ни в чем себе не отказывать, и — что очень важно — получающие хорошие рецензии. Уэнди осуществила бы мечту об открытии небольшого магазина модной одежды (о котором тоже говорили бы только хорошее), а еще я вел бы несколько семинаров по писательскому мастерству, куда стремились бы попасть самые одаренные студенты. Ничего из этого, естественно, не осуществилось, поэтому, наверное, весьма символичным является тот факт, что в последний раз как пара мы встретились в

кабинете профессора Джорджа Б. Нако, человека, которого не существовало.

Осенью 1968 года, вернувшись с каникул, студенты обнаружили «кабинет» профессора Нако под ведущей в подвал лестницей в Гамильтон-Смит-холле. Стены «кабинета» украшали поддельные дипломы, необычные акварели, названные «албанским искусством», списки студентов, включавшие Элизабет Тейлор, Роберта Циммермана^[7] и Линдона Бейнса Джонсона. Тут же висели сочинения, написанные вымышленными студентами. Одно, насколько я помню, называлось «Секс-звезды Востока», другое — «Ранняя поэзия Ктулху: анализ». В кабинете стояли три напольные пепельницы. «ПО МЫСЛИ ПРОФЕССОРА НАКО, РАССЛАБИТЬСЯ НЕ ВРЕДНО, ОДНАКО», — гласила приклеенная к обратной стороне лестницы надпись. Компанию пепельницам составляли два хлипких стула и не менее хлипкий диван, очень подходящий студентам, у которых возникло желание отыскать уютное гнездышко.

Среда перед моим последним экзаменом выдалась не по сезону жаркой и влажной. В час дня начали собираться грозовые тучи, а в четыре часа, когда Уэнди согласилась встретиться со мной в «кабинете» Джорджа Б. Нако, небеса разверзлись, и полило как из ведра. Я пришел в «кабинет» первым. Уэнди появилась пять минут спустя, насквозь мокрая, но в превосходном настроении. Капли воды сверкали в ее волосах. Она бросилась мне в объятия и, смеясь, принялась тереться об меня. Прогремел гром. Свисавшие с потолка сумрачного подвального коридора немногочисленные лампы мигнули.

— Обними-меня-обними-меня-обними-меня, — протараторила Уэнди. — Этот дождь такой холодный.

Мы согревали друг друга. Очень скоро оказались на хлипком диване, моя левая рука обнимала ее и накрывала левую грудь — бюстгальтер Уэнди не носила, — а правая забралась под юбку достаточно далеко, чтобы поглаживать шелк и кружева. Уэнди позволила ей задержаться там на минуту-другую, потом отодвинулась от меня и тряхнула волосами.

— Хватит уже, — чопорно заявила она. — А если зайдет профессор Нако?

— Сомневаюсь, что такое возможно. — Я улыбался, но ощущал в штанах знакомую пульсацию. Иногда Уэнди снимала это напряжение — она стала экспертом в том, что мы прозвали «работкой-через-штаны», — однако я не думал, что сегодня мне что-нибудь обломится.

— Тогда одна из его студенток. Умоляя поставить зачет. *Пожалуйста, профессор Нако, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста. Я сделаю все.*

Я сомневался, что кто-то появится здесь в такой дождь, но нас действительно могли прервать, тут она была права. Студенты частенько заглядывали сюда с выдуманными сочинениями или свеженькими творениями албанского искусства. Диван располагал к близкому общению, а вот его местоположение — нет. По крайней мере не теперь, когда подземное гнездышко облюбовали для своих встреч студенты гуманитарного колледжа.

— Как прошел экзамен по социологии? — спросил я.

— Нормально. Сомневаюсь, что получу пятерку, но точно сдала, и меня это вполне устраивает. С учетом того, что он в эту сессию последний. — Она потянулась, ее пальцы коснулись бетонного зигзага лестницы над головой, грудь возбуждающе поднялась. — Я расстанусь с университетом... — она посмотрела на часы, — ...ровно через час и десять минут.

— Ты и Рене? — Я не особенно жаловал соседку Уэнди по комнате в общежитии, но знал, что лучше об этом не говорить. Одного раза вполне хватило. Результатом стала

короткая, бурная ссора, по ходу которой Уэнди обвинила меня в том, что я пытаюсь контролировать ее жизнь.

— Совершенно верно, сэр. Она подвезет меня к папе и мачехе. А через неделю мы официально станем сотрудниками «Файлинс».

Она произнесла это с таким видом, будто они устроились мелкими клерками в Белый дом, но я промолчал. У меня хватало других забот.

— Но ты приедешь в Бервик в субботу? — По плану она приезжала утром, проводила со мной весь день и оставалась на ночь. В спальне для гостей, разумеется, — но всего в дюжине шагов по коридору. Учítывая, что в следующий раз мы могли увидеться только осенью, я полагал, что возможность «этого» весьма велика. Конечно же, маленькие дети верят в Санта-Клауса, а первокурсники Университета Нью-Хэмпшира иной раз целый семестр верили, что Джордж Б. Нако — настоящий профессор, преподающий английский язык и литературу.

— Ад-наз-нач-но. — Она огляделась, убедилась, что вокруг никого нет, и ее рука двинулась по моему бедру. Добравшись до ширинки, мягко потянула то, что там нашла. — Ну-ка иди сюда.

Я все-таки получил «работку-через-штаны». Уэнди постаралась на славу, делала все медленно и ритмично. Гремел гром, в какой-то момент ровный шум дождя изменился, по крышам забарабанил град. В самом конце ее рука сжалась, усиливая и продлевая оргазм.

— Проследи за тем, чтобы по пути до общежития промокнуть, или весь мир узнает, чем мы тут занимались. — Она вскочила. — Я должна идти, Дев. Мне еще вещи собирать.

— В субботу я встречу тебя в полдень. Папа приготовит на ужин свою знаменитую запеканку с курицей.

Она вновь повторила «ад-наз-нач-но», фирменный знак Уэнди Киган, как и поцелуй на мысочках. Но только в пятницу вечером она позвонила, чтобы сообщить, что планы Рене изменились и в Бостон они уезжают на два дня раньше.

— Извини, Дев: за рулем ведь сидит она.

— Всегда есть автобус, — ответил я, заранее зная, что этот вариант даже не рассматривается.

— Я обещала, дорогой. И у нас есть билеты на «Пиппина» в «Имперiale». Отец Рене купил их нам, преподнес сюрприз. — Она помолчала. — Порадуйся за меня. Ты собираешься в Северную Каролину — и я за тебя очень рада.

— Я счастлив, — ответил я. — Слушаю и повинуюсь.

— Так-то лучше. — Она перешла на шепот и заговорщически добавила: — В следующий раз, когда мы будем вместе, я тебе компенсирую. Обещаю.

Свое обещание она не исполнила — но и не нарушила, потому что я больше никогда не видел Уэнди Киган после того дня в «кабинете» профессора Нако. Обошлось даже без последнего телефонного звонка, со слезами и обвинениями. Я не стал звонить, следуя совету Тома Кеннеди (мы до него еще доберемся), и, возможно, поступил правильно. Не исключено, что Уэнди ждала моего звонка, даже хотела, чтобы я позвонил. Если так, я ее разочаровал.

Надеюсь, что разочаровал. Столько лет спустя, когда мои нервные лихорадки и бред остались в далеком прошлом, я по-прежнему надеюсь, что разочаровал.

Любовь оставляет шрамы.

Я так и не написал книг, о которых мечтал, — не написал бестселлеров, удостоенных хороших рецензий, но все же зарабатываю писательством неплохие деньги и благодарю за это судьбу: другим повезло меньше. Я стабильно двигался вверх по лесенке дохода к моей сегодняшней ступеньке, журналу «Коммерческий рейс» — вы скорее всего о нем никогда не слышали.

Через год после того, как я занял должность главного редактора, меня занесло в кампус Университета Нью-Хэмпшира на двухдневный симпозиум о будущем корпоративных журналов в двадцать первом столетии. На второй день, в перерыве, я неожиданно для самого себя направился к Гамильтон-Смит-холлу и заглянул под лестницу в подвал. Сочинения, списки студентов со знаменитостями и шедевры албанского искусства исчезли. Вместе со стульями, диваном и напольными пепельницами. Но кто-то помнил. Под лестницей, там, где раньше висел лозунг о пользе расслабления, я нашел полоску бумаги с одной-единственной строкой, напечатанной такими маленькими буквами, что мне пришлось подойти вплотную и встать на цыпочки, чтобы прочитать:

Профессор Нако теперь преподает в школе чародейства и волшебства Хогвартс.

И почему нет?

Почему, вашу мать, нет?

Что касается Уэнди, тут я знаю не больше вас. Наверное, я мог бы воспользоваться «Гуглом», этим магическим шаром двадцать первого столетия, чтобы проследить ее жизненный путь и узнать, сумела ли она реализовать свою мечту, занять свой эксклюзивный магазинчик одежды, — но с какой стати? Что было, то прошло. Утраченного не вернешь. После пребывания в «Стране радости» (от которой рукой подать до городка Хэвенс-Бэй, не забывайте об этом), разбитое сердце представлялось мне уже не столь важным. И руку к этому приложили Майк и Энни Росс.

* * *

В результате мы с отцом съели его знаменитую куриную запеканку без нашей гостьи, что, возможно, вполне устраивало Тимоти Джонса, хотя он пытался это скрыть из уважения ко мне. Я знал, что к Уэнди он относится примерно так же, как я — к подруге Уэнди, Рене. Тогда я думал, что он ревнует к Уэнди, занявшей важное место в моей жизни. Теперь полагаю, что он видел ситуацию гораздо более ясно, чем я. Не могу сказать наверняка, об этом мы никогда не говорили. Не уверен, что мужчины знают, как говорить о женщинах серьезно.

Поев и помыв посуду, мы уселись на диване, пили пиво, ели поп-корн и смотрели фильм с Джином Хэкменом в главной роли, который играл крутого копа с пунтиком на женских ногах. Мне недоставало Уэнди — которая, возможно, в тот самый момент слушала, как в «Пиппине» поют «Поделись лучиком», — но вечеринка без женщин имеет определенные преимущества: к примеру, есть возможность в открытую рыгнуть или выпустить газы.

На следующий день — мой последний день дома — мы пошли прогуляться вдоль заброшенной железной дороги, которая прорезала лес за домом, где я вырос. Мама твердо и

решительно требовала, чтобы мы с друзьями держались подальше от рельсов. Последний товарный поезд «Джи-эс-энд-дабл-ю-эм» прошел по ним десять лет назад, и между ржавыми рельсами уже проросли сорняки, но для мамы это ничего не меняло. Она не сомневалась: если мы будем там играть, еще один поезд (скажем, «Пожиратель детей») обязательно промчится по дороге и превратит нас в фарш. Вот только мама сама угодила под внеурочный состав: метастатический рак молочной железы в сорок семь лет. Это вам не товарняк, а гребаный экспресс.

— Мне будет не доставать тебя летом, — признался отец.

— А мне — тебя, — ответил я.

— О! Пока я не забыл. — Он сунул руку в нагрудный карман и достал чек. — Первым делом открой счет и положи на него деньги. Попроси ускорить проверку чека, если это возможно.

Я взглянул на сумму: не пятьсот долларов, как я просил, а тысяча.

— Папа, ты можешь себе это позволить?

— Да. Главным образом потому, что ты работаешь и мне не приходится оплачивать твою учебу. Считай, это твоя премия.

Я поцеловал его в колючую щеку. Этим утром он не побрился.

— Спасибо.

— Малыш, ты даже представить не можешь, как я рад помочь. — Он достал из кармана носовой платок и деловито вытер глаза, без всякого стеснения. — Извини за водопад. Это трудно, провожать детей. Когда-нибудь ты сам поймешь, но я надеюсь, что после их отъезда компанию тебе составит хорошая женщина.

Я подумал о миссис Шоплоу и ее словах: *Дети — всегда такой риск.*

— Папа, ты справишься?

Он убрал носовой платок в карман и улыбнулся, широко и безмятежно.

— Иногда звони мне, и я буду счастлив. Опять же, не позволяй им заставлять тебя карабкаться на эти чертовы американские горки.

Если на то пошло, я бы с удовольствием туда слазил, но я ответил, что такому не бывать.

— И... — Продолжения не последовало, и я так и не узнал, хотел ли он дать совет или предостеречь еще от чего-то. — Ты только посмотри!

В пятидесяти ярдах от нас из леса вышла олениха. Грациозно переступила через ржавый рельс и остановилась на откосе насыпи, где сорняки и золотарник вымахали такими высокими, что терлись о ее бока. Она застыла, спокойно глядя на нас, наострив уши. И, насколько я помню, воцарилась полная тишина. Не пели птицы, в небе не гудел самолет. Будь с нами мама, она выхватила бы фотоаппарат и защелкала бы как сумасшедшая. Такой острой тоски по ней я не испытывал уже давно.

Я быстро и крепко обнял отца.

— Я люблю тебя, папа.

— Знаю, — ответил он. — Знаю.

Когда я вновь посмотрел на рельсы, олениха уже ушла. Днем позже уехал и я.

* * *

К моему возвращению в большой серый дом в самом конце Главной улицы Хэвенс-Бэй

выложенная ракушками вывеска исчезла. Миссис Шоплоу отправила ее в кладовую, поскольку на лето сдала все четыре комнаты. Я благословил Лейна Харди, подсказавшего мне, что надо застолбить место. Летнее войско «Страны радости» уже прибыло, и свободных коек не осталось ни в одном пансионе.

Второй этаж я делил с Тинной Экерли, библиотекаршей. На третьем обосновались грациозная рыжеволосая Эрин Кук, специализировавшаяся на искусстве, и Том Кеннеди, коренастый студент последнего курса Ратгерса. Эрин увлекалась фотографией и в школе, и в Барде^[8], и ее взяли в «Страну радости» Голливудской девушкой. Что касается Тома и меня...

— Счастливым помощник, — представился он. — Другими словами, подай-принеси. Так написал этот парень, Фред Дин, на моем заявлении. А ты?

— Аналогично, — ответил я. — Я думаю, это означает, что мы станем уборщиками.

— Я в этом сомневаюсь.

— Правда? А почему?

— Потому что мы белые, — ответил он и по большому счету оказался прав, пусть нам и пришлось заниматься уборкой. Уборщиками в «Стране радости» работали гаитяне и доминиканцы, двадцать мужчин и более тридцати женщин в комбинезонах с вышитым на груди Хоуи, Счастливым псом, почти наверняка это были нелегальные мигранты. Они жили в маленьком поселке в десяти милях от побережья, и их привозили и увозили на двух отслуживших свой срок школьных автобусах. Мы с Томом зарабатывали по четыре доллара в час, Эрин — чуть больше. Один только Бог знал, сколько платили уборщикам. Их, разумеется, эксплуатировали, и довод о том, что на юге полным-полно нелегалов, которым приходится жить и работать в куда худших условиях, никуда не годится. Также, наверное, не имеет смысла упоминать, что происходило все это сорок лет назад. Хотя вот что можно отметить: им никогда не приходилось надевать шкуру. Эрин — тоже.

В отличие от нас с Томом.

* * *

Вечером накануне нашего первого рабочего дня мы втроем собрались в гостиной «Обособняка Шоплоу», чтобы получше узнать друг друга и поразмышлять о грядущем лете. Пока разговаривали, над Атлантическим океаном поднялась луна, такая же спокойно-прекрасная, как и олениха, которую мы с отцом увидели на ржавых рельсах.

— Господи, это же парк развлечений! — воскликнула Эрин. — Какие там могут быть проблемы?

— Тебе легко говорить, — ответил Том. — Никто не собирается заставлять тебя отмывать из шланга «Чашки-вертушки» после того, как засранцы из Восемнадцатого скаутского отряда одновременно расстанутся со своим ленчем на середине заезда.

— Я пойду, куда мне скажут, — заявила Эрин. — Если придется не только щелкать фотоаппаратом, но и вытирать блевотину, я вытру. Мне нужна эта работа. В следующем году меня ждет магистратура, а я в двух шагах от банкротства.

— Надо попытаться попасть в одну команду, — предложил Тим... и так сложилось, что нам это удалось. Все рабочие команды «Страны радости» назывались по породам собак, и мы оказались в команде «Бигль».

Тут в гостиную вошла Эммелина Шоплоу с подносом, на котором стояли пять

хрустальных бокалов. Мисс Экерли, вешалка в бифокальных очках, за стеклами которых глаза казались огромными, отчего внешне она напоминала Джойс Кэрол Оутс, сопровождала хозяйку дома с бутылкой шампанского в руках. Том Кеннеди просиял:

— Я узнаю французский имбирный эль! Для шипучки из супермаркета бутылка чересчур красива.

— Это шампанское, — кивнула миссис Шоплоу, — хотя если ты рассчитываешь на «Моэт э Шандо», юный мистер Кеннеди, тебя ждет разочарование. Это не «Колд дак»^[9], но и не из дорогих марок.

— Не буду говорить за новых коллег по работе, — ответил Том, — но за себя скажу: любителя «Эпл-зэпл» вы точно не разочаруете.

Миссис Шоплоу улыбнулась:

— Я всегда так отмечаю начало лета, на удачу. Обычно срабатывает. Еще не потеряла ни одного летнего квартиранта. Берите бокалы. — Мы выполнили указание. — Тина, ты разольешь?

После того как библиотекарша наполнила бокалы, миссис Шоплоу подняла свой, и мы последовали ее примеру.

— Пьем за Эрин, Тома и Девина, — провозгласила она. — Пусть они проведут удивительное лето и надевают шкуру только при температуре ниже восьмидесяти градусов.

Мы чокнулись и выпили. Может, шампанское и не относилось к самым дорогим, но вкус мне очень даже понравился, а оставшегося в бутылке хватило, чтобы наполнить бокалы еще раз. Теперь тост произнес Том:

— За миссис Шоплоу, которая укрыла нас от бурь!

— Ой, спасибо, Том, это так мило. Хотя скидку на арендную плату тебе все равно не получить.

Мы выпили. Я поставил бокал на поднос, чувствуя, что шампанское немного ударило в голову.

— Можно подробнее насчет шкуры? — спросил я.

Миссис Шоплоу и мисс Экерли обменялись улыбками.

— Скоро все сами узнаете, — ответила мне библиотекарша, хотя такой ответ едва ли можно было назвать удовлетворительным.

— Не засиживайтесь допоздна, дети, — посоветовала нам миссис Шоплоу. — Завтра рано вставать. Вас ждет карьера в шоу-бизнесе.

* * *

Первый рабочий день действительно начался рано: в семь утра, за два часа до того, как парку предстояло распахнуть двери навстречу еще одному лету. Мы втроем пошли по берегу. Почти всю дорогу Том не закрывал рта. Он всегда так делал. Наверное, его бесконечная болтовня утомляла бы, не будь он таким забавным и безудержно веселым. Я видел, как Эрин (она шла по линии прибоя, связанные шнурками кроссовки покачивались в ее левой руке) смотрела на него, словно зачарованная. Я завидовал этой способности Тома. Парень он был крупный, далеко — прямо скажем, очень далеко — не красавец, но заводной и с хорошо подвешенным языком. Этого дара мне, увы, не доставало. Помните старый анекдот насчет старлетки, которая растерялась до такой степени, что трахнула писателя?

— Как думаете, сколько денег у людей, которым принадлежат эти хоромы? — спросил Том, обводя рукой дома на Бич-роу. Мы как раз проходили мимо большого зеленого особняка, который напоминал замок, но в тот день я не увидел ни женщину, ни мальчика в инвалидном кресле: Энни и Майк Росс появились позже.

— Миллионы, наверное, — ответила Эрин. — Здесь не Хэмптонс, но, как сказал бы мой отец, и не «Макдоналдс».

— Парк развлечений, вероятно, немного снижает их цену, — вставил я, глядя на три самых высоких аттракциона «Страны радости», силуэты которых чернели на фоне синего утреннего неба: «Шаровая молния», «Неистовый трясун» и «Каролинское колесо».

— Нет, ты не понимаешь склада ума богатого человека. — Том покачал головой. — Это как с уличными попрошайками. Богатые их просто не видят. Попрошайки? Какие попрошайки? То же самое и с этим парком... Какой парк? Люди, которым принадлежат эти дома, живут на другом уровне бытия. — Он остановился, прикрыв глаза ладонью и глядя на зеленый викторианский коттедж, которому предстояло сыграть столь большую роль в моей жизни будущей осенью, после того, как Эрин Кук и Том Кеннеди, к тому времени уже пара, вернутся к учебе. — Этот дом будет моим. Пожалуй, я куплю его... э... первого июня восемьдесят седьмого года.

— Шампанское за мной, — добавила Эрин, и мы все рассмеялись.

* * *

В то утро я в первый и единственный раз увидел в одном месте всех наемных летних работников «Страны радости». Мы собрались в «Зале приборя», концерт-холле, где выступали не слишком известные группы и стареющие рокеры. Почти двести человек, в большинстве своем, как Эрин, Том и я, студенты, готовые работать за сущую мелочь. Пришли и несколько постоянных сотрудников. Я увидел Роззи Голд, в «рабочем» цыганском наряде и с большущими серьгами. Лейн Харди находился на сцене: он установил микрофон на трибуне, а потом проверил его, несколько раз щелкнув по нему пальцем. Конечно же, в котелке — а как же иначе, — сдвинутом набок под обычным углом. Не знаю, как он заметил меня в толпе мельтешащих юношей и девушек, но заметил и отдал мне честь, приложив руку к перекошенному котелку. Я тут же отсалютовал в ответ.

Покончив с порученным ему делом, Харди кивнул, спрыгнул со сцены и занял место, которое придержала ему Роззи. Фред Дин быстрым шагом вышел из-за кулис.

— Присядьте, пожалуйста. Все присядьте. Прежде чем вас распределят по командам, владелец «Страны радости» и ваш работодатель хочет сказать вам несколько слов. Пожалуйста, поприветствуйте мистера Брэдли Истербрука.

Мы, естественно, заплодировали, и из-за кулис появился старик, который шел очень осторожно, высоко вздергивая ногу при каждом шаге, как человек, у которого болят тазобедренные суставы или спина, а может, и то, и другое. Высокий, невероятно тощий, в черном костюме, в котором он больше напоминал гробовщика, а не владельца парка развлечений. Его длинное бледное лицо покрывали бородавки и родинки, наверняка превращавшие каждое бритье в муку, но я видел, что он чисто выбрит. Черные волосы, несомненно, крашенные, были зачесаны назад, полностью открывая изрезанный глубокими морщинами лоб. Мистер Истербрук остановился рядом с трибуной, сцепив огромные кисти

рук — особое впечатление производил размер костяшек пальцев, — и оглядел собравшихся глубоко запавшими глазами.

Старость взирала на молодость, и аплодисменты последней сначала притихли, а потом смолкли вовсе.

Трудно сказать, чего мы ожидали; возможно, скорбного, отчаявшегося голоса, сообщающего, что Красная смерть скоро приберет нас всех. Тут мистер Истербрук улыбнулся, и лицо его словно засветилось изнутри, как музыкальный автомат. По толпе прошелестел вздох облегчения. Только потом я узнал, что тем летом Брэдли Истербруку стукнуло девяносто три.

— Итак, ребята, добро пожаловать в «Страну радости», — начал он и, прежде чем встать на трибуну, поклонился нам в прямом смысле этого слова. Потом, не спуская с нас запавших глаз, несколько секунд подстраивал под себя микрофон, который издавал усиленные динамиками скрипы и хрипы. — Я вижу много знакомых лиц, и меня это, как всегда, радует. Что же касается новичков, надеюсь, это будет лучшее лето в вашей жизни, мерило, которым вы будете оценивать ваши последующие места работы. Это, конечно же, сумасбродное желание, но человек, который из года в год руководит таким заведением, имеет право на причуды. Гарантирую, второй такой работы вам никогда не найти.

Он оглядел нас, чуть повернул и без того изогнутую стойку несчастного микрофона и продолжил:

— Через пару минут мистер Фред Дин и миссис Бренда Рафферти, наша королева администрации, распределят вас по командам. В каждой будет по семь человек, и от вас ждут, что вы будете вести себя и работать как команда. Поручения, которые вы будете выполнять, будут сообщаться капитану команды и меняться от недели к неделе, а то и день ото дня. Если разнообразие — соль жизни, три последующих месяца станут для вас действительно солеными. И я надеюсь, юные дамы и господа, что здесь, всегда и везде, вы будете помнить об одном. Сделаете мне такое одолжение?

Он помолчал, словно ожидая ответа, но никто из нас не издал ни звука. Мы только смотрели на него, глубокого старика в черном костюме и белой рубашке с расстегнутым воротничком. Когда мистер Истербрук заговорил снова, казалось, будто он обращается к самому себе, во всяком случае, поначалу:

— Этот мир изрядно подпорчен, он полон вражды, и жестокости, и бессмысленного трагизма. Каждому человеческому существу достается своя порция несчастий и бессонных ночей. Те из вас, кто еще этого не знает, весьма скоро это выяснят. С учетом сих печальных, но бесспорных фактов, можно считать, вы этим летом получили бесценный подарок: вы здесь, чтобы продавать веселье. В обмен на заработанные тяжелым трудом доллары наших посетителей вы вручите им кусочек счастья. Детям по возвращении домой будет сниться все, что они здесь видели и делали. Я надеюсь, вы вспомните об этом, когда работа покажется вам тяжелой — а иногда так и будет, — когда вам попадутся грубые люди — а это обычное дело, — или когда ваши усилия, пусть вы и стараетесь изо всех сил, останутся недооцененными. Это другой мир, со своими законами и со своим языком, который мы называем просто — Язык. Вы начнете учить его уже сегодня. И в процессе поймете, что о человеке судят не по словам, а по делам. Я не собираюсь этого объяснять, поскольку объяснить невозможно. Через это надо пройти.

Том наклонился ко мне и прошептал:

— Учить Язык? Делать дела? Мы попали на собрание анонимных алкоголиков?

Я шикнул на него. Я шел сюда, ожидая, что мне огласят список заповедей, большинство из которых будет начинаться с короткого слова «не», а вместо этого услышал почти поэзию. И это было прекрасно. Брэдли Истербрук оглядел нас и внезапно продемонстрировал свои лошадиные зубы в еще одной улыбке. Широкой, как мир. Эрин Кук замороженно смотрела на него. Как и большинство новичков. Так студенты смотрят на преподавателя, который предлагает им незнакомый и, возможно, замечательный взгляд на жизнь.

— Я надеюсь, вы будете получать удовольствие от работы здесь, а если нет... когда, к примеру, придет ваша очередь надеть шкуру... постарайтесь вспомнить, в каком вы привилегированном положении. В грустном и темном мире мы — маленький островок радости. Многие из вас уже определились с планами на будущее... Вы собираетесь стать врачами, адвокатами, я не знаю... политиками...

— О-БОЖЕ-НЕ-Е-Е-ЕТ! — крикнул кто-то под общий смех.

Невозможно, но улыбка Истербрука стала еще шире. Том продолжал качать головой, однако он уже сдался.

— Ладно, я понял, — прошептал он мне на ухо. — Этот тип — Радостный Иисус.

— Вас ждет интересная, плодотворная жизнь, мои юные друзья. Вы сделаете много хорошего и приобретете замечательный опыт. Но я надеюсь, вы всегда будете вспоминать время, проведенное в «Стране радости», как что-то особенное. Мы не продаем мебель. Мы не продаем автомобили. Мы не продаем землю, дома или пенсионные фонды. У нас нет политических пристрастий. Мы продаем *веселье*. Никогда этого не забывайте. Спасибо за внимание. А теперь принимайтесь за работу.

Он сошел с трибуны, еще раз поклонился и покинул сцену все той же болезненной походкой, высоко поднимая ноги. Лишь тогда раздались аплодисменты. Он произнес одну из лучших речей, которые я когда-либо слышал, потому что в ней была правда, а не конское дерьмо. И много ли лохов могут написать в своем резюме: *В 1973 году три месяца продавал веселье?* Я про это.

* * *

Капитанами назначили сотрудников, которые работали в «Стране радости» с давних пор, а в межсезонье колесили по стране с передвижными парками развлечений. Многие также состояли в Комитете парковых услуг. Последнее означало, что они должны быть в курсе регулирующих постановлений штата и федерального центра (в 1973 году совсем не жестких) и разбираться с жалобами посетителей. В то лето большинство жалоб касалось запрета курения.

Нашу команду возглавил энергичный низкорослый мужчина по имени Гэри Аллен, лет семидесяти с небольшим, который также заведовал «Тиром Энни Оукли», только после первого дня никто этот аттракцион так не называл. На Языке тир именовался стребах, а Гэри — стребахским агентом. Семеро членов команды «Бигль» встретились с ним на его территории, когда он раскладывал винтовки, прикрепленные цепочками к стойке. И моей первой официальной работой в «Стране радости», так же, как у Эрин, Тома и еще четырех парней нашей команды, стало размещение по полкам призов. Гордостью заведения были большие мохнатые набивные зверушки, которых редко кто выигрывал... хотя Гэри говорил, что при большом наплыве он каждый вечер отдавал хотя бы одну.

— Я люблю азартных стрелков, — сообщил он нам. — Да, люблю. А из них я больше всего люблю кругляшек, то есть симпатичных девушек, а лучшие кругляшки — те, что любят глубокий вырез и при стрельбе наклоняются вперед, вот так. — Он схватил винтовку двадцать второго калибра, переделанную под пневматику для стрельбы би-би^[10] (кроме того, при каждом нажатии на спусковой крючок раздавалось громкое и приятное слуху «БАХ!»), и наклонился вперед, чтобы продемонстрировать.

— Если это делает парень, я говорю ему, что он заступил за черту. Кругляшка? Никогда.

Ронни Хьюстон, очкастый, тревожно-мнительный молодой человек в бейсболке Университета Флориды, признался:

— Я не вижу никакой черты, мистер Аллен.

Гэри посмотрел на него, уперев руки в несуществующие бедра. Джинсы держались на них вопреки закону всемирного тяготения.

— Послушай, сынок, я хочу, чтобы ты усвоил три важных момента. Готов?

Ронни кивнул. Он выглядел так, будто ему хотелось записать каждое слово. И спрятаться за нашими спинами.

— Момент первый. Ты можешь называть меня Гэри, или Папаня, или «а-ну-иди-сюда-старый-ты-хрыч», но я не школьный учитель, так что забудь про мистера. Момент второй. Я больше не хочу видеть эту гребаную школьную шапку на твоей голове. Момент третий. Черта там, где я скажу. И так каждый вечер. Я могу это сделать, потому что она у меня в го-ло-ве. — Он постучал пальцем по впалому, испещренному сосудами виску, чтобы подчеркнуть свою мысль, потом ткнул в призы, в мишени и в стойку, куда глупые кролики — они же лохи — выкладывали свои денежки. — Все это у меня в го-ло-ве. Это мысленная черта. Усек?

Ронни не усек, но энергично кивнул.

— А теперь скинул эту жабью шапку. Найди себе козырек с надписью «Страна радости» или шапку Хоуи, Счастливого пса. Считай это работой номер раз.

Ронни живо смахнул с головы бейсболку с буквами «УФ», вышитыми над козырьком, и сунул в задний карман. В тот же день — думаю, в течение часа — он обзавелся бейсболкой с изображением Хоуи, на Языке именуемой песболкой. Три дня над ним подшучивали и звали его салагой, после чего он отправился на автомобильную стоянку, нашел отличное масляное пятно, бросил в него песболку и потоптал от души. Надел — и она выглядела как надо. Или почти. Самому Ронни выглядеть как надо не удавалось. Есть люди, которые до конца своих дней остаются салагами. Я помню, как однажды Том подобрался к нему и сказал, что на песболку хорошо бы помочиться, чтобы добавить ей той самой недостающей малости. Но, увидев по лицу Ронни, что тот воспринял совет абсолютно серьезно, дал задний ход и пробормотал, что того же эффекта можно добиться, окунув песболку в Атлантический океан.

А пока Папаня оглядывал свою команду.

— Кстати, о симпатичных дамах. Я вижу одну среди нас.

Эрин скромно улыбнулась.

— Голливудская девушка, детка?

— Да, мистер Дин так и сказал.

— Тогда тебе надо повидаться с Брендой Рафферти. Она начальник номер два, а также матушка парковых девушек. Она снабдит тебя одним из этих пикантных зеленых платьев. Скажи ей, что ты хочешь супер-мини.

— Держи карман шире, старый развратник, — ответила Эрин, и они вместе с Гэри дружно расхохотались.

— Дерзкая! Независимая! Мне это нравится? Не то слово! Когда не будешь щелкать кроликов, возвращайся к своему Папане... и я найду тебе работенку. Только сначала переоденься. Чтобы не запачкать платье маслом или опилками. *Сечешь?*

— Да, — ответила Эрин. Вновь деловая, без тени улыбки.

Папаня Аллен взглянул на часы.

— Парк открывается через час, детки, так что будете учиться, пока время мчится. Начнем с аттракционов. — Он распределил нас по одному на каждый, называя их. Мне досталось «Каролинское колесо», чему я был весьма рад. — У меня есть время на один-два вопроса, но не больше. Найдется у кого-нибудь хотя бы один, или вы готовы разойтись?

Я поднял руку. Он кивнул мне и спросил, как меня зовут.

— Девин Джонс, сэр.

— Назови меня еще раз сэром, и ты уволен, мальш.

— Девин Джонс, Папаня. — Говорить ему *а-ну-иди-сюда-старый-ты-хрыч* я точно не собирался, во всяком случае, пока. Может, позже, когда мы познакомимся поближе.

— Так-то лучше, — кивнул он. — Так что у тебя в голове, Джонси? Помимо этой рыжеволосой красотки?

— Что означает карни-от-карни?

— Что ты такой же, как старик Истербрук. Его отец работал на ярмарках во времена Пыльного котла^[11], а дед — еще раньше, когда показывали псевдоиндейское шоу с великим вождем Юлачача.

— Вы, должно быть, шутите! — с восторгом воскликнул Том.

Холодный взгляд Папани разом остудил его... а такое случалось редко.

— Сынок, ты знаешь, что такое история?

— Э... то, что случилось в прошлом?

— Нет, — ответил Аллен, повязывая брезентовый пояс с кармашками для мелочи. — История — это коллективное дерьмо человечества, огромная и постоянно растущая куча дерьма. Сейчас мы стоим на этой куче, но очень скоро на нас начнет валиться дерьмо поколений, которых еще нет. Вот почему одежда ваших предков выглядит так забавно на старых фотографиях, и это только один пример. И как человеку, которому суждено быть погребенным под дерьмом своих детей и внуков, я думаю, тебе надобно быть *чуть более* снисходительным.

Том открыл рот, возможно, для остроумного ответа, но ему хватило мудрости вовремя его закрыть.

Тут вопрос задал Джордж Престон, еще один игрок команды «Бигль»:

— Вы тоже карни-от-карни?

— Нет. У моего отца было ранчо в Орегоне. Теперь там работают мои братья. Я — паршивая овца в семье и чертовски этим горжусь. Ладно, если вопросов больше нет, пора заканчивать треп и переходить к делу.

— Могу я задать еще вопрос? — спросила Эрин.

— Только потому, что ты кругляшка.

— Что значит «надеть шкуру»?

Папаня Аллен улыбнулся. Положил руки на стойку своего стребаха.

— Скажи мне, юная дама, а ты догадываешься, что это *может* значить?

— Ну... да.

Улыбка превратилась в ухмылку, обнажившую пожелтевшие клыки капитана нашей

команды.

— В таком случае ты скорее всего недалеко от истины.

* * *

Что я делал в то лето в «Стране радости»? Все. Продавал билеты. Толкал тележку с поп-корном. Продавал «хворост», сладкую вату, хот-доги в огромном количестве (разумеется, мы называли их хот-хоуи). Именно благодаря хот-хоуи моя фотография попала в газету, но если на то пошло, не я продал того несчастного «щенка»: его продал Джордж Престон. Я работал спасателем и на пляже, и на Счастливом озере, закрытом бассейне, которым заканчивались водные горки «Бултых капитана Немо». Вместе с другими биглями, выстроившись в линию, танцевал в Качай-Болтай под «Птичий ритм», «Теряет ли жвачка за ночь вкус», «Риппи-раппи, зиппи-заппи» и десяток других бессмысленных песенок. Я также проводил время — и с огромным удовольствием, — приглядывая за детишками, хотя и не имел официального разрешения. В Качай-Болтай при встрече с ревушим ребенком предлагалось кричать: «Давай перевернем эту хмурь с ног на голову!» — и мне это не просто нравилось, у меня получалось. Именно в Качай-Болтай я решил, что завести детей когда-нибудь в будущем — действительно Хорошая идея, а не навеянная Уэнди мимолетная греза.

Я — вместе с другими Счастливыми помощниками — научился пересекать «Страну радости» в считанные секунды, используя переулки за аттракционами, павильонами, лотками, а также три служебных тоннеля, называемые Под-страной, Под-псом и Бульваром. Я тоннами вывозил мусор, обычно на электрокаре по Бульвару, темному и зловещему, подсвеченному древними флуоресцентными трубками, которые мигали и гудели. Несколько раз участвовал в подготовке концертов, передвигал усилители и мониторы, если кто-то из выступавших приезжал позже, чем обещал, и без рабочих сцены.

Я научился говорить на Языке. Что-то — например, *завлекало* вместо бесплатного шоу или *расстрой* вместо сломавшегося аттракциона — пришло от истинных карни, из глубины веков. Другие слова, те же *кругляшки* вместо симпатичных девушек или *хныки* вместо любителей поныть, использовались только в «Стране радости». Полагаю, в других парках развлечений были свои диалекты, но в основе всех лежал Язык карни-от-карни. Мозгод — кролик (обычно хнык), недовольный тем, что приходится долго стоять в очереди. Последний час рабочего дня (в «Стране радости» — между десятью и одиннадцатью вечера) — финиш. Кролик, который проиграл на каком-то аттракционе и хочет вернуть свои деньги, — халявщик. Скворечник — туалет. «Эй, Джонси, гони в скворечник у “Лунной ракеты”, какой-то тупой хнык только что блеванул в раковину».

Работа в торговых точках (известных как заведения) давалась нам особенно легко, и действительно, любой, кто мог правильно отсчитать сдачу, имел достаточную квалификацию, чтобы толкать тележку с поп-корном или стоять за прилавком сувенирного киоска. Научиться управлять аттракционами оказалось ненамного сложнее, хотя поначалу было страшновато, потому что от тебя зависела жизнь людей, по большей части малышни.

* * *

— Готов к уроку? — спросил меня Лейн Харди, когда я подошел к «Каролинскому колесу». — Хорошо. Главное, пришел вовремя. Парк открывается через двадцать минут. У нас как на флоте: увидел, сделал, научил другого. Сейчас тот самый крепкий парень, который стоял рядом с тобой...

— Том Кеннеди.

— Понятно. Сейчас он учится управлять «Дьявольскими фургонами». Когда-нибудь... может, уже сегодня, он научит тебя, как управлять тем аттракционом, а ты научишь его, как управлять колесом. Это, кстати, австралийское колесо, то есть вертится против часовой стрелки.

— Это важно?

— Нет, зато интересно. В Штатах таких немного. У него две скорости. Медленная и *действительно* медленная.

— Потому что это пенсионерский аттракцион.

— Точняк. — Лейн кивнул на длинный рычаг управления (я видел, как он пользовался им в тот день, когда меня принимали на работу), затем велел взяться за надетую на его конец резиновую рукоятку с велосипедного руля. — Чувствуешь щелчок, когда сцепляет?

— Да.

— Это «стоп». — Он положил руку на мою и двинул рычаг вверх, до упора. На этот раз раздался более громкий щелчок, огромное колесо разом остановилось, кабинки мягко закачались. — Пока все понятно?

— Пожалуй. Послушайте, а разве мне не нужно разрешение, или лицензия, или что-то такое, чтобы управлять этой машиной?

— У тебя же есть водительское удостоверение?

— Конечно, выданное в штате Мэн, но...

— В Северной Каролине водительского удостоверения достаточно. Со временем введут дополнительные ограничения, иначе быть не может, но не в этом году, так что пока все тип-топ. Теперь слушай внимательно, потому что это самая важная часть. Видишь желтую линию на каркасе?

Я видел. Справа от пандуса, ведущего к посадочной площадке.

— На дверце каждой кабинки есть изображение Счастливого пса. Как только ты видишь, что пес поравнялся с желтой линией, надо сразу двигать рычаг, и кабинка остановится там, где в нее смогут сесть люди. — Он снова двинул рычаг. — Видишь?

Я ответил, что да.

— Пока колесо не накачалось...

— Что?

— Заполнилось. Накачалось — значит, заполнилось. Не спрашивай, откуда и почему. Пока колесо не накачалось, ты перемещаешь ручку между «стоп» и «очень медленно». Как только загрузка полная — а в хороший сезон такое бывает большую часть времени, — ты включаешь нормальную медленную скорость. И у них четыре минуты. — Он указал на портативный радиоприемник. — Это моя громыхалка, но правило таково: кто рулит аттракционом, тот и выбирает музыку. Однако никакого зубодробительного рок-н-ролла — «Ху», «Зеп», «Стоунз» и им подобных — до захода солнца. Это понятно?

— Да. А как мне их выпускать?

— Точно так же. Очень медленная скорость, стоп. Очень медленная, стоп. Всегда совмещай Счастливого пса с желтой линией, и тогда кабинки будут останавливаться у

площадки. Колесо может делать десять оборотов в час. При полной загрузке это более семисот человек, то есть практически дэшка.

— А если на английском?

— Пять сотен долларов.

Я неуверенно посмотрел на него.

— Но мне ведь не придется им управлять? Я хочу сказать, это ваш аттракцион.

— Это аттракцион Брэда Истербрука, малыш. Как и любой другой. Я всего лишь наемный работник, хотя и проработал здесь несколько лет. Большую часть времени — но не *все* время — я рулю этим колесом. И послушай, перестань потеть. На некоторых ярмарках это делали покрытые татуировками полупьяные байкеры, а если уж справлялись они, у тебя тем более получится.

— Ну, раз уж вы так говорите.

Лейн вскинул руку.

— Ворота открыты, и кролики уже идут по авеню Радости. Ты остаешься со мной на три поездки. Потом обучишь всех остальных членов своей команды, в том числе и вашу Голливудскую девушку. Лады?

Какие там лады! Мне предстояло отправлять людей на высоту сто семьдесят футов после пятиминутного обучения. Безумие.

Он сжал мое плечо.

— У тебя все получится, Джонси. Поэтому обойдемся без «раз уж вы так говорите». Скажи: все путем.

— Все путем.

— Хороший мальчик. — Он включил радио, уже подсоединенное к громкоговорителю, который висел на каркасе «Колеса». «Холлис» запели «Высокую классную женщину в черном платье», а Лейн вытащил из заднего кармана джинсов перчатки из сыромятной кожи. — Добудь себе такие же, они тебе пригодятся. Далее, тебе надо научиться зазывать народ. — Он наклонился к коробке из-под апельсинов — которую, похоже, всюду таскал с собой, — взял мегафон, поставил ногу на коробку и начал обрабатывать толпу.

— Эй, ребята, заходите, время клево проведите. Не зевайте, налетайте, летний дух за хвост хватайте. Поднимайтесь ввысь, где воздух — просто зашибись. Веселятся все на нашем колесе.

Он опустил мегафон и подмигнул мне.

— Вот так я это делаю, более или менее. После стаканчика-другого получается еще лучше. Тебе придется придумать текст самому.

Когда я управлял колесом в первый раз, руки у меня дрожали от ужаса, но к концу первой недели я уже стал профессионалом, пусть Лейн и говорил, что над текстом мне еще работать и работать. Я также хорошо справлялся с «Чашками-вертушками» и «Дьявольскими фургонами»... хотя для управления последними требовалось совсем ничего: просто нажимать зеленую кнопку «СТАРТ» и красную «СТОП» да растаскивать электромобили, которые лохам удавалось сбивать в кучу не меньше четырех раз за четырехминутную поездку. Только относительно «Дьявольских фургонов» термин «поездка» не использовался. Эти четыре минуты назывались шухером.

Я учил Язык; я изучал географию, наземную и подземную; я учился, как работать в заведении, что делать в стробахе, как дарить плюшевые игрушки кругляшкам. Потребовалась неделя, чтобы все это более-менее переварить, а через две я уже начал чувствовать себя

достаточно комфортно. Что значит «надеть шкуру», я узнал в самый первый день, вскоре после полудня, и так уж вышло — не знаю, к добру или к худу, — что Брэдли Истербрук в это самое время оказался в Качай-Болтай, сидел на лавочке и ел свой обычный ленч, тофу и пророщенные бобы (едва ли такое подавали в парках развлечений, но не следовало забывать, что пищеварительная система старика поизносилась со времен «сухого закона» и девушек-бабочек^[12]).

После моего первого появления — экспромтом — в образе Хоуи я часто влезал в шкуру. Потому что у меня хорошо получалось, и мистер Истербрук это знал. Именно в шкуре, где-то месяц спустя, я встретил на авеню Радости маленькую девочку в красной шапочке.

* * *

Тот первый день весьма напоминал дурдом. До десяти утра я крутил «Каролинское колесо» с Лейном, потом полтора часа в одиночестве, пока он носился по парку, устанавливал фейерверки по случаю дня открытия. К тому времени я уже не верил, что колесо может выйти из-под контроля, как карусель в старом фильме Альфреда Хичкока. Что меня поразило, так это доверчивость людей. Ни один папаша с детьми, откликнувшийся на мой призыв прокатиться, не спросил меня, а знаю ли я, что делаю. Я прокрутил колесо меньшее число раз, чем полагалось — слишком яростно всматривался в чертову желтую линию, так, что разболелась голова, — но оно постоянно накачивалось.

Однажды ко мне подошла Эрин, красивая, как картинка, в зеленом платье Голливудской девушки, и сфотографировала несколько семей, стоявших в очереди. Щелкнула и меня: я до сих пор где-то храню эту фотографию. Когда колесо вновь завертелось, она схватила меня за руку — капельки пота блестят на лбу, губы чуть разведены в улыбке, глаза сияют.

— Круто? — спросила она.

— Пока я никого не убил, круто, — ответил я.

— Если какой-нибудь маленький ребенок выпадет из кабинки, тебе всего-то надо его поймать. — И, одарив меня еще одной навязчивой идеей, она убежала в поисках новых фотомоделей. В то летнее утро многие хотели позировать роскошной рыжеволосой девице. И, если на то пошло, она говорила чистую правду. Это было круто.

Примерно в половине двенадцатого Лейн вернулся. К тому времени я так освоился с управлением колеса, что с некоторой неохотой передал ему рычаг управления.

— Кто твой командир, Джонси? Гэри Аллен?

— Он самый.

— Что ж, тогда иди в стребах и узнай, что он приготовил для тебя. Если повезет, он отправит тебя в лежку, чтобы ты перекусил.

— А что такое лежка?

— Место, куда ходят сотрудники, когда у них перерыв на еду. В большинстве парков это автомобильная стоянка или лужайка за трейлерами, но в «Стране радости» есть свой «люкс». Уютная комната отдыха на пересечении Бульвара и Под-пса. Спустишься по лестнице между воздушными шариками и метателями ножей. Тебе там понравится, но поесть ты сможешь лишь после кивка Папани. Я не хочу цапаться со старым мерзавцем. Его команда — это его команда, у меня есть своя. Ленч у тебя с собой?

— Я не знал, что его надо приносить.

Он улыбнулся:

— Со временем всему научишься. Сегодня загляни в заведение Эрни с большим пластмассовым петухом на крыше: там жарят кур. Покажи ему свое удостоверение «Страны радости», и он даст тебе скидку, полагающуюся сотрудникам.

Я поел жареной курятины у Эрни, но только в два часа пополудни: Папаня нашел мне занятие.

— Иди в костюмерную, это трейлер между техслужбой парка и столярной мастерской. Скажешь Дотти Лассен, что тебя прислал я. Эта чертова женщина уже выпрыгивает из своего пояса для чулок.

— Хотите, чтобы я сначала помог вам перезарядить винтовки? — Тир тоже накачался. У стойки толпились старшеклассники, которым не терпелось выиграть неуловимые плюшевые игрушки. Другие лохи (так я мысленно называл посетителей парка) стояли в три ряда позади тех, кто стрелял. Руки Папани Аллена по ходу разговора со мной не замирали ни на секунду.

— Я хочу, чтобы ты сел на пони и мчался галопом. Я занимался этим дерьмом еще до того, как ты родился. Ты, кстати, кто, Джонси или Кеннеди? Я знаю, ты не дундук в шапке из колледжа, но, кроме этого, ничего не помню.

— Джонси.

— Что ж, Джонси, тебе предстоит провести занимательный час в Качай-Болтай. Во всяком случае, он будет занимательным для деток. Для тебя, может, и не очень. — И он обнажил желтые клыки в фирменной ухмылке Папани Аллена, которая придавала ему сходство с пожилой акулой. — Наслаждайся шкурой.

* * *

Костюмерная тоже напоминала дурдом, женщины бегали из стороны в сторону. Дотти Лассен, худощавая женщина, которой пояс для чулок требовался не больше, чем мне туфли на платформе, подлетела ко мне, едва я переступил порог. Она впилась пальцами с длинными ногтями в мою подмышку и потащила меня мимо клоунских костюмов, ковбойских костюмов, гигантского костюма дяди Сэма (тут же, у стены, стояли ходули), пары нарядов принцесс, стойки с платьями Голливудских девушек, стойки со старомодными купальными костюмами «Веселые девятностые» — которые, как потом выяснилось, мы носили, когда работали спасателями. В самой глубине крохотного помещения нашлось место для десятка скукожившихся собак. Все были на одну морду, Хоуи, само собой, с радостной глуповато-обаятельной ухмылкой, большими синими глазами и мохнатыми ушами торчком. По спине, от шеи до хвоста, тянулась молния.

— Господи, ну ты и высокий! — воскликнула Дотти. — Слава Богу, на прошлой неделе мне починили самый большой костюм. Парень, который носил его в прошлом году, разорвал обе подмышки. И под хвостом была дыра. Наверное, ел много мексиканской еды. — Она схватила со стойки Хоуи размера «икс-эль» и сунула мне. Хвост обвил мою ногу, как питон. — Иди в Качай-Болтай, и быстро-быстро. Этим следовало заняться Батчу Хэдли из «Корги»... или я так думала... но он говорит, что вся его команда сейчас пашет на мидвее. — Я понятия не имел, что это значит, а Дотти не дала мне времени спросить. Она закатила глаза, то ли от смеха, то ли окончательно свихнувшись. — Ты скажешь: «Что с того?» И я отвечу тебе, в чем причина, салага: мистер Истербрук обычно ест там ленч, он *всегда* ест

там ленч в первый день работы парка. Он очень огорчится, если не увидит Хоуи.

— Кого-то могут уволить?

— Нет, смысл в том, что он очень огорчится. Покрутись здесь немного, и ты поймешь, как это плохо. Никто не хочет его огорчать, потому что он великий человек. Это, конечно, мило, но что более важно, он еще и хороший человек. В этом бизнесе хорошие люди встречаются реже, чем зубы у курицы. — Она посмотрела на меня и издала звук, словно маленький зверек, угодивший лапкой в капкан. — Господи Иисусе, ну ты и высокий. И зеленый, как трава. Но тут уж не поможешь.

Мне хотелось задать миллиард вопросов, но мой язык прирос к нёбу. Я мог только смотреть на скукожившегося Хоуи, который, казалось, в ответ уставился на меня. Знаете, кем я себя в тот момент почувствовал? Джеймсом Бондом в том фильме, где его привязали к какому-то безумному устройству для казни. *Вы рассчитываете, что я заговорю?* — спрашивает он у Голдфингера, а Голдфингер весело отвечает: *Нет, мистер Бонд! Я рассчитываю, что вы умрете!* Я чувствовал себя привязанным к машине счастья, а не к машине смерти, но в остальном все совпадало. Как я ни пытался угнаться за событиями этого первого дня, он неизменно оказывался быстрее.

— Отнеси его в лежку, малыш. Пожалуйста, скажи мне, что знаешь, где это.

— Знаю. — Слава Богу, Лейн мне сказал.

— Что ж, выходит, чему-то ты уже научился. Когда придешь туда, разденься до трусов. Если оставишь что-то еще, изжаришься. И... кто-нибудь говорил тебе о Первом правиле карни, малыш?

Я полагал, что да, но предпочел промолчать. Решил, что так безопаснее.

— Всегда знай, где твой бумажник. В этом парке воровства поменьше, чем в тех местах, где я работала в молодости, и слава Богу, но Первое правило никуда не делось. Давай его сюда, я спрячу.

Я без единого слова протянул бумажник.

— Теперь иди. Прежде чем разденешься, выпей побольше воды. Пей, пока у тебя не раздуется живот. И ничего не ешь. Мне плевать, сильно ли ты голоден. Я видела, как ребята получали тепловой удар и блевали в костюмы Хоуи. Результат получался не очень. Костюм потом всегда приходилось выбрасывать. Налейся водой, разденься, надень костюм, попроси кого-нибудь застегнуть молнию и бегом по Бульвару в Качай-Болтай. Там есть указатель, не заблудишься.

[Купить полную версию книги](#)

По Фаренгейту; примерно 21 °С. — Здесь и далее примеч. пер.

«Диснейуорлд» — самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, расположен к юго-западу от города Орlando (штат Флорида, США), был открыт 1 октября 1971 г.

Статуэтки Гуммель — фарфоровые статуэтки, выполненные по эскизам монахини Марии Инносентии Гуммель (1909–1946).

Кони-Айленд — район Нью-Йорка. Название происходит от голландского *Conyne Eylandt* или *Konijneneiland* (Кроличий остров). Там расположен одноименный парк развлечений, который долгое время был самым большим в США.

Это слово обозначает работников, обслуживающих парки развлечений и особый мир, к которому они принадлежат.

Имеется в виду ободок для волос, получивший такое название потому, что Алису часто изображали с ним на иллюстрациях к книге «Алиса в Зазеркалье».

Роберт Циммерман — настоящее имя и фамилия Боба Дилана (р. 1941).

Бард — частный гуманитарный колледж в штате Нью-Йорк.

«Колд дак» («Холодная утка») — игристое вино, производимое в США.

Би-би — номер охотничьей дроби по американской системе обозначений В, ВВ, ВВВ; соответствует российскому номеру 2 (диаметр 4,5 мм).

Времена Пыльного котла — серия катастрофических пыльных бурь в прериях США и Канады в 1930–1936 гг.

Имеются в виду девушки 1920-х гг., для которых короткие юбки и короткие стрижки были одновременно модной тенденцией и социальной позицией.